U 245/213

ЭБ

2007111189

ОТРАДА
И 245/213

О МОНАРХИЧЕСКОМЪ ПРАВЛЕНІИ.

СОЧИНЕНІЕ

П. Іовскаго.

МОСКВА.
Въ Типографіи П. Кузнецова.
1826.

О
МОНАРХИЧЕСКОМЪ
ПРАВЛЕНІИ,

СЪ

ПРИБАВЛЕНІЕМЪ ОТРЫВКА ИЗЪ

РАЗГОВОРА ПОЛИТИЧЕСКАГО.

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Москва, 1826 года Іюня 3 дня. Сію рукопись разсматривалъ Ординарный Профессоръ, Статскій Совѣтникъ и кавалеръ

Левъ Цвѣтаевъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Прошло уже то нещастное время ослѣпленія, когда софизмы Руссо почитались изреченіями Оракула, когда съ благоговеніемъ и восторгомъ внимали обольстительному краснорѣчію Мирабо, когда увлекались хитросплетеніями коварнаго Сіеса! Англія смѣялась имъ и тогда (*); смѣется имъ нынѣ просвѣщенная Европа и жалѣешь о тѣхъ ослѣпленныхъ, ко-

(*) Когда Якобинцы завели Клубы свои въ Лондонѣ и дѣйствовали уже не только въ народѣ, но и въ самомъ Парламентѣ: тогда Англія отвѣчала имъ Актами: 1. О безопасности Особы и Сана Короля, 2. О дѣятельномъ отвращеніи мятежныхъ собраній, 3. О сокращеніи кореннаго срока для выбора Парламентскихъ Членовъ, 4. О прекращеніи Акта: Habeas corpus. 5. Объ учрежденіи милиціи. Также Адресами къ Королю о преданности и покорности особѣ его и его Дому.

торые еще вѣряшъ имъ въ простотѣ сердца своего. Бѣдствія, призванныя оными Политическими Героями на нещастную Европу, были Наставниками лучшихъ политическихъ идей и утвердили еще болѣе въ истинахъ, преданныхъ вѣками.

Углубляясь въ Исторію протекшихъ временъ и останавливаясь преимущественно надъ Исторіею временъ новѣйшихъ, столько поучительною для народовъ, я вездѣ находилъ нещастія и бѣдствія безъ Престола или вѣчный страхъ и опасность потрясли души и сердца гражданъ, а глухой гулъ заговоровъ и въ самой тишинѣ мира вѣчно безпокоилъ и превожилъ ихъ. Одно заблужденіе можетъ прельщаться таковымъ, не натуральнымъ душѣ и сердцу человѣка состояніемъ!

Исторія Англіи и Франціи преимущественно были для меня такими картинами, на которыхъ ясно изображена сія святая истина, что власть Монархическая необходима и спасительна для народовъ Изъ столь

занимательной въ смыслѣ политическомъ Исторіи Англіи я вывелъ слѣдующее заключеніе: если либы Король Англійскій захотѣлъ нынѣ отказаться за себя и за своихъ Наслѣдниковъ отъ правъ своихъ: то мудрая, просвѣщенная Англія недопустила бы его до того. Смерть Людовика XVIII ясно показала Европѣ, что Франція также не вѣритъ уже болѣе софизмамъ Руссо, ни краснословію Мирабо, ни хитросплетеніямъ Сіеса! Напрасно Революціонеры распускали по Европѣ слухи о новыхъ затѣяхъ, напрасно пугали Отечество свое новыми несчастіями по смерти Короля. Тщетны были всѣ томительныя надежды ихъ! Франція нехочетъ новыхъ страданій въ удовольствіе новыхъ Демагоговъ!

Ежели сочиненіе мое не соотвѣтствуетъ предположенной мною цѣли: то важность сей цѣли оправдываетъ по крайней мѣрѣ слабость силъ моихъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Философія, Исторія и Религія говорятъ намъ, что человѣкъ не Ангелъ и не животное; паже Философія, Исторія и Религія показываютъ намъ, что въ немъ заключаются качества того и другаго (*).

Ни одинъ мыслящій человѣкъ не хочетъ поставить себя на равной степени съ безсмысленными животными. Онъ чувствуетъ въ себѣ высшія до-

(*) Древніе изображали человѣка юношею, котораго душа въ пламенныхъ взорахъ и простертыхъ объятіяхъ стремилась къ небу; но у котораго на ногахъ находились тяжести, влекущія его къ землѣ и удерживающія на оной.

стоинства и стремится въ высшую сферу; а понимая и чувствуя въ самомъ себѣ высшія достоинства, разумъ его повелѣваетъ признать и *уважать оныя и въ подобныхъ себѣ*; почему онъ и имъ долженъ также приписать достойнымъ, нужнымъ стремленіе къ высшему совершенству.

Но въ чемъ состоитъ сіе стремленіе къ совершенству? Вотъ вопросъ, рѣшеніе котораго каждый составляетъ по своему, но рѣшеніе котораго должно основано быть на истинномъ понятіи о достоинствѣ человѣчества!

Со временъ Канта Философы для опредѣленія нравственнаго достоинства человѣка предлагаютъ для рѣшенія три вопроса: для чего я существую? что мнѣ должно дѣлать и чего я могу надѣяться?

Слѣдуя столь прекрасной методѣ изслѣдыванія, согласно съ мнѣніемъ сихъ Философовъ, мы скажемъ краткo на предложенные вопросы.

И вопервыхъ: цѣль существованія человѣка, какъ существа *разумнаго*, состоитъ въ томъ, чтобы пользоваться способностями, которыми одаренъ онъ отъ Творца Вселенныя къ ихъ образованію и совершенствованію.

Вотъ достойная цѣль жизни существа разумнаго! Цѣль — недовѣдомая, недоступная для безсмысленныхъ животныхъ!

Рѣшеніе втораго вопроса: что мнѣ должно дѣлать? слѣдуетъ изъ рѣшенія перваго. Ежели цѣль жизни моей, какъ существа разумнаго, состоитъ въ томъ, чтобы дарованныя мнѣ отъ Творца способности

употреблять къ совершенству ихъ: то я долженъ поступки мои соображать соотвѣтственно сей цѣли. Познаніе истины и исполненіе оной — добро, вотъ въ чемъ должны состоять дѣйствія существа *нравственно-разумнаго*, и вотъ чѣмъ оно отличается отъ безсмысленныхъ животныхъ!

Рѣшеніе третьяго вопроса не принадлежитъ къ нашему предмету.

И такъ вотъ истинное понятіе о достоинствѣ человѣка! Оно основано на глубочайшемъ изслѣдываніи природы его; оно совершенно согласно съ откровеніемъ Религіи!

Но гдѣ же человѣкъ можетъ сохранить и возвысить нравственно-разумное свое достоинство? Не въ ущеліяхъ ли горъ? Не въ дикихъ ли пустыняхъ? Не въ мрачныхъ ли лѣ-

сахъ? Не въ сосѣдствѣ ли безсмысленныхъ и злобныхъ животныхъ? Не въ скитающейся ли жизни? Нѣтъ! душа образованная чуждается таковаго состоянія, сердце отвергаетъ оное, а просвѣщенный разсудокъ видитъ тамъ людей, подобными безсмысленнымъ, даже хищнымъ животнымъ. Нѣтъ! тамъ человѣкъ теряетъ свое достоинство!

Творецъ, надѣливши съ избыткомъ прочія существа всѣмъ для ихъ потребностей, одного человѣка, лучшее свое созданіе, предалъ всѣмъ нуждамъ физическимъ и умственнымъ, дабы сіе, бѣдное повидимому твореніе опыскало высшую, для него одного на земли назначенную сферу, дабы оно вошло въ общество подобныхъ себѣ.

Такъ! Общество человѣческое есть другой міръ въ мірѣ семъ.

Міръ, достойный только существа нравственно-разумнаго!

Но сей новый міръ представляетъ новое, отличное состояніе и — требуетъ новаго порядка вещей.

Когда люди жили сами по себѣ или отдѣльными семействами: тогда дѣйствія ихъ опредѣлялись существующимъ порядкомъ вещей въ природѣ. Но когда они вошли въ сообщество: тогда произошли такія между ими соотношенія, что надобно уже стало измѣнить существующій порядокъ вещей. А какъ всѣ сіи соотношенія въ послѣдствій такую составили между собою тѣсную цѣпь, что движеніе одного кольца не могло уже произойти безъ потрясенія другаго, а сильное движеніе потрясало уже всю цѣпь и какъ цѣпь сія не есть механическій сос-

ставъ, но цѣпь живая, въ непрестанномъ произвольномъ движеніи существующая и безъ онаго существовать не могущая: то разумъ понялъ, что надобно опредѣлить сіи движенія, какъ въ цѣломъ, такъ и въ частяхъ, чтобы произвольное и при томъ необходимое движеніе одного кольца не производило вреднаго трепія для другаго, а по тѣсной связи съ прочими сообщеніемъ движенія не препятствовало бы свободному, произвольному движенію каждаго особенно.

Въ томъ состоитъ умственное твореніе человѣка — Политика, опредѣляющая таковыя соотношенія между людьми. И вотъ главныя опредѣленія сихъ соотношеній:

Каждому человѣку, какъ существу нравственно-разумному, приличествуетъ нравствен-

ная личность т. е. *уваженіе особы его.*

Но какъ нравственно-разумное существованіе человѣка тѣсно соединено съ физическою частію т. е. съ качествами животнаго и какъ сія физическая часть столь для него необходима, что безъ оной невозможно для него нравственно-разумное существованіе въ мірѣ семъ, и что развитіе и дѣйствіе умственныхъ и нравственныхъ силъ его зависитъ отъ довольнаго удовлетворенія оной: то способы для удовлетворенія сей физической части должны быть приведены въ такое состояніе, чтобы составить *собственность.*

И такъ человѣку достойно приличествуетъ нравственная личность и собственность. Того требуетъ его натура; это составляетъ необходимую по-

требность / существенныя условія бытія его. Ето *производитъ* права его въ сношеніяхъ и связяхъ съ подобными ему.

Но гдѣ же права сіи могутъ быть свято сохраняемы и вѣрно обезпечены?

Я небуду говорить о первоначальномъ соединеніи людей въ общество и о томъ, какимъ образомъ сіе общество измѣнялось и приходило постепенно въ совершенство: но скажу прямо, что только въ гражданскомъ состояніи, гдѣ люди для сохраненія правъ каждаго согласшаются принять *опредѣленное поведеніе*, только въ гражданскомъ состояніи каждой можетъ удовлетворять физическимъ потребностямъ, умственнымъ требованіямъ и нравственнымъ побужденіямъ, словомъ: вѣрно и благородно наслаждаться бытіемъ своимъ,

какъ прилично нравственно-разумному существу.

И такъ гражданское состояніе, вопреки многимъ Философамъ, почитающимъ оное зломъ, есть достойное и благодѣтельное состояніе для человѣка. Здѣсь только онъ можетъ имѣть столь необходимую для него собственность, здѣсь только онъ можетъ удовлетворять умственнымъ требованіямъ и благороднымъ побужденіямъ нравственнымъ. Здѣсь только человѣкъ можетъ быть человѣкомъ т. е. существомъ нравственно-разумнымъ — лучшимъ твореніемъ своего Создателя!

Но — лучшее созданіе Вселенныя! Тебѣ не опредѣлено отъ Творца твоего нигдѣ достигнуть совершенства въ мірѣ семъ. Ты осуждено, и въ самомъ себѣ и въ окружающихъ тебя существахъ встрѣчать неща-

стія, дабы такимъ образомъ ты не остановилось ни на какой степени подобно животнымъ, но стремилось бы къ дальнѣйшему совершенству. Ты прибѣгло подъ сѣнь гражданскаго состоянія, дабы по достоинству твоему обрѣсти то, чего нигдѣ отыскать не могло; но самая сѣнь сія, тебя укрывшая, не могла успокоить тебя совершенно. То, что доставило тебѣ возможность укрыться подъ сею сѣнью, люди — сами люди нарушаютъ покой твой, разрушаютъ твое наслажденіе!

Страсти человѣческія, побудившія людей искать защиты въ семъ убѣжищѣ, страсти вмѣстѣ съ ними вошли въ оное. Будучи въ безпрестанномъ волненіи по своей натурѣ онѣ заглушаютъ гласъ разума, не внемлятъ и требованіямъ нравственности, и справедливость

сама собою не можетъ имѣть твердаго вліянія на людей.

И такъ люди познали наконецъ, что и въ гражданскомъ состояніи они не могутъ имѣть должнаго удовлетворенія въ правахъ своихъ и полнаго наслажденія оными и уразумѣли изъ того, что у нихъ недостаетъ къ тому *Могущественной Силы*, которая удерживала бы однихъ отъ нарушенія правъ другихъ, обиженнымъ доставляла бы должное удовлетвореніе и всѣмъ равно оказывала бы справедливость. И такъ они рѣшились вручить Правительству сію могущественную силу, а съ своей стороны обязались *повиновеніемъ и покорностію*, безъ чего разпоряженія его не могли бы быть дѣйствительны.

Съ другой стороны — самый *натуральный ходъ вещей* заставилъ бы людей войти въ

гражданскую жизнь и подвергнуться сему насилію и симъ оковамъ оной, какъ выражается пламенный Софистъ—Руссо. При маломъ числѣ людей въ первобытныя времена изобиліе произведеній природы съ избыткомъ удовлетворяло нуждамъ человѣка. Тогда только земля не могла быть ничьею собственностію, а плоды оной могли принадлежать всѣмъ равно (*). Но съ разумноженіемъ рода человѣческаго сихъ плодовъ стало недостаточно; надобно уже стало содѣйствовать природѣ въ ея производствахъ и способы къ тому люди могли найти только въ политическомъ устройствѣ гражданской жизни. Всѣ народы чувствовали и чувствуютъ важность сего пред-

(*) Discours sur l'orig. et les fond. de l'inegalit. Sec. Part.

мета (*). Въ древности щитали Богами первыхъ изобрѣтателей земледѣлія. Только знаменитому Пуссо угодно было перваго изобрѣтателя собственности, открывшаго пути къ щастію и предупредившаго дальнѣйшія бѣдствія цѣлаго человѣчества, назвать злодѣемъ, врагомъ рода человѣческаго (**)! Не входя въ подробныя изслѣдыванія о семъ предметѣ, скажу только, что *если теперь уничтожить въ Европѣ гражданскую жизнь: то большая часть народовъ ея должна погибнуть отъ одного только голода.*

(*) Еще въ 1215 году въ Magna Charta Англійскаго Королевства мудрено предписано: не опибирать у земледѣльца въ пеню земледѣльческихъ его орудій.

(**) Disc. sur l'ineg. ibidem.

И такъ сколько необходима для безопасности, спокойствія и щастія человѣка и для его образованности—для того, чтобы онъ былъ человѣкъ, сколько, говорю, необходима для человѣка гражданская жизнь; столько же необходимо для гражданской жизни Правительство.

Только въ головѣ основателей Иллюминатства, *порожденія Масонскаго*, только въ головѣ сихъ философовъ, которые хотѣли уничтожить всякую Религію, низпровергнуть всякое общество, разрушить всѣ произведенія онаго, истребить даже всякое постоянное мѣстопребываніе, которые хотѣли наконецъ разторгнуть священные узы между мужемъ и женою, между родителями и дѣтьми, между братьями и прочими родственниками, словомъ: уничтожить всѣ обязанности

предписываемыя разумомъ и добродѣтелію т. е. которые хотѣли истребить все то, чѣмъ человѣкъ отличается отъ безсмысленныхъ животныхъ; только въ головѣ сихъ людей могла родиться адская мысль, что для людей не нужно никакого Правительства (*).

Другіе философы осьмнадцатаго вѣка не рѣшались на такія злодѣйскія мысли; но *новость предмета для свободнаго изслѣдыванія* увлекла ихъ въ различныя заблужденія и химеры. Такъ на пр. Монтескье, хотя и признаетъ нѣкоторыя достоинства въ Монархіи Самодержавной, а особливо огра-

---

(*) Eclaircissemens Originaux des Illuminés. 1786. Основателемъ сей секты былъ Вейсгауптъ, Профессоръ Правъ въ Ингольштадѣ, а главнымъ сотрудникомъ его Баронъ Книгге.

ничешной, но думаетъ 1. что свобода существуетъ только въ Республикахъ, 2. что тамъ нѣтъ свободы, гдѣ народъ не самъ издаетъ или не самъ утверждаетъ законы (*), и наконецъ онъ написалъ странную мысль, повторяемую другими писателями, что тамъ нѣтъ свободы, гдѣ народъ не волнуется, гдѣ въ Государствѣ царствуетъ тишина и спокойствіе. (**). Руссо не хочетъ ни Монархіи, ни Республикъ, ни Сенаповъ, ни Совѣтовъ, ни даже Представителей. Для него не довольно и вольности Англичанъ (***). Онъ говоритъ:

(*) См. Духъ Законовъ.

(**) О причинахъ возвышенія и паденія Рима. Гл. IX.

(***) „Народъ Англійскій, почитающій себя вольнымъ, весьма оши-

„человѣкъ родился свободнымъ „и вездѣ находится въ око„вахъ (*),“ и симъ магическимъ словомъ онъ опровергаетъ все, что попадается ему въ обществѣ человѣческомъ, въ Исторіи, Морали, а особливо въ Политикѣ. И какъ Емиль его есть нравственный уродъ въ обществѣ образованномъ: такъ и его

бается; онъ воленъ только при выборѣ Парламентскихъ Членовъ, а по окончаніи выбора рабъ — ничто.“ Contr. Social. Ch. XV.

(*) Contr. Social. Chap. I. Пунктъ первой. Вотъ еще образчикъ Политической мудрости Руссо. „При „всякой побудительной причинѣ, го„воритъ онъ, народъ воленъ перемѣ„нить свои Законы, даже и самые „лучшіе. Ежели онъ хочетъ сдѣлать „зло самому себѣ: то кто имѣетъ „право возпрепятствовать ему въ „томъ?“ Ibid. liv. II. Chap. 12. Объ чемъ же ты хлопочешь любезный?

Договоръ Общественный есть рушитель всѣхъ общественныхъ договоровъ. Мабли, тащась по слѣдамъ Монтескье и Руссо, и надуваясь, чтобы казаться великимъ политикомъ, осуждаетъ поступки всѣхъ Царей и всѣхъ народовъ, какъ древнихъ, такъ и новыхъ, и хотя поставляетъ цѣлію политическою щастіе, но желаетъ одной только свободы и для сохраненія оной требуетъ Спартанской нищеты и Платоновыхъ учрежденій (*).

Въ слѣдствіе уроковъ сихъ Политиковъ разпространилась предложенная ими новая идея о народномъ Самодержавіи, т. е. что источникъ всѣхъ властей

(*) Смотри его: Объ *Изуч. Ист.* Я упомянулъ о сихъ трехъ писателяхъ, какъ объ основателяхъ новыхъ политическихъ идей и новой Политической Философіи.

и учрежденій или Самодержавіе принадлежитъ народу.

Что такое Самодержавіе? Нѣкоторые и до сихъ поръ опредѣляютъ оное волею народа (*). Но спрашивается: какимъ образомъ узнать эту волю народа, у котораго милліоны различныхъ воль и при томъ ежечасно перемѣняющихся отъ капризовъ, глупостей или по новому направленію желаній? И какимъ образомъ дѣйствовать по сей волѣ народа, когда у каждаго изъ членовъ онаго своя воля и когда каждый хочетъ поступать по своей волѣ? Такое мнѣніе о Самодержавіи произвело всѣ ужасы Французской Ре-

---

(*) Такъ на пр. въ Кадикской Конституціи въ первомъ пунктѣ сказано „что Самодержавіе принадлежитъ Націи.“

волюціи (*) и доказало всю ложность онаго.

Нѣтъ сомнѣнія, что человѣкъ имѣетъ право дѣйствовать для своего блага, но онъ не имѣетъ *права* самъ по себѣ воспрепятствовать другому не вредить ему, и *власти* заставить другаго въ необходимыхъ случаяхъ соображаться съ его цѣлями, хотя бы даже съ своей стороны онъ взаимно обязался споспѣшествовать и его цѣлямъ. Но положимъ, что онъ имѣетъ таковое право и таковую власть по требованію разума и справедливости: но у него недостаетъ къ тому надлежащей *силы;* ибо естьли бы онъ захотѣлъ принудить къ тому другаго насильно: тогда встрѣтилъ бы равномѣрную силу, ему

(*) См. далѣе въ первой Главѣ.

противодѣйствующую. Чтожъ изъ того послѣдуетъ? Никакая цѣль не будетъ достигнута, никакія средства къ оной не могутъ быть употреблены въ дѣйствіе. По сему надобно было общее согласіе, надобно было какое нибудь постановленіе, какой нибудь законъ, который уполномочилъ бы нѣкоторыхъ симъ правомъ, сею властію и сею силою, нужными для содѣйствія цѣли каждаго, необходимыми къ утвержденію средствъ къ достиженію оной.

И такъ истинное понятіе о самодержавіи есть слѣдующее: Самодержавіе есть право, власть и сила дѣйствовать къ достиженію цѣли политическаго общества; слѣдовательно оно ни какъ не можетъ принадлежать народу, у котораго есть Правительство, которому оно принадлежитъ съ той самой мину-

ты, когда получило какой бы то ни было образъ (*). До самаго даже учрежденія сего образа Правительства народъ не могъ имѣть самодержавія. Онъ *могъ только желать* установить его въ томъ или другомъ видѣ.

И такъ Самодержавіе принадлежитъ единственно Правительству и при томъ цѣлости онаго. Въ Англіи Опредѣленія Нижняго Парламента не могутъ быть законными безъ Верхняго, а обоихъ вмѣстѣ безъ соизволенія Короля. Въ Швеціи заключается оно въ опредѣленіяхъ Государственнаго Сейма и волѣ

(*) Даже самое *простое общество*, учредивъ у себя распорядителей своихъ дѣлъ, само теряетъ уже право разпоряженій, а покаряется разпоряженіямъ оныхъ; въ противномъ случаѣ оно разрушается.

Короля. Въ Республикахъ оно состоитъ иногда въ двухъ, иногда въ трехъ Совѣтахъ. Въ Монархіи Самодержавной оно принадлежитъ единственно Особѣ Государя; ибо въ Его одной Особѣ заключается вся цѣлость Правленія, источникъ всѣхъ властей (*).

Вотъ истинное понятіе о Самодержавіи! Оно оправдывается согласіемъ просвѣщенныхъ и образованныхъ подданныхъ и щастіемъ всѣхъ прочихъ. Но *народное Самодержавіе есть разрушительная идея всякаго порядка, всякаго благоустройства.* Въ сей обольстительной идеѣ заключается источникъ, вѣчно біющій къ заговорамъ и крамоламъ. Толпа народа, собравшись въ едино-

---

(*) Свода Россійскихъ Узаконеній Томъ I. § 1.

мысліе, мечтаетъ составлять Націю, приписываетъ себѣ право Самодержавія и посягаетъ на преобразованія. Во Французской и Швейцарской Революціи мы видѣли только половину сего опыта.

Неопредѣлительность и невѣрность Политическихъ началъ много вводила людей въ заблужденія и причиняла бѣдствій; а потому щитаю нужнымъ послѣдовать далѣе въ опредѣленіи оныхъ.

Новѣйшіе Философы по изслѣдываніи Природы человѣческой вывели слѣдующее нравственное начало: *почитай человѣчество и въ самомъ себѣ и въ другихъ за цѣль, а не за средство;* а потому говорятъ они далѣе: *не употребляй человѣка за средство.* Они остановились при семъ и недокончили своихъ изслѣдываніи о

началахъ; а потому то Политики, принявшіе сіи положенія въ науку о правахъ, очень часто находятся въ затруднительномъ положеніи и мѣшаются въ дальнѣйшихъ своихъ сужденіяхъ.

Сіи начала столько высокія, столько благородныя сами по себѣ, столько справедливыя въ соотношеніяхъ между частными людьми, недостаточны въ отношеніи къ Правительству. Мы скажемъ:

1. Поелику человѣкъ для цѣли своей употребляетъ самаго себя за средство: то посему можно употреблять его за средство, когда онъ самъ есть и цѣль.

2. Поелику человѣкъ для пріобрѣтенія большихъ выгодъ рѣшается на пожертвованіе меньшихъ: то можно потребовать отъ него части его выгодъ для

доставленія ему большихъ или для предупрежденія невыгодъ.

3. Поелику человѣкъ часто мѣняетъ одни выгоды на другія: то можно иногда потребовать отъ него всей суммы его выгодъ, здѣлавши ему полное, соотвѣтственное вознагражденіе и наконецъ:

4. Поелику человѣкъ для избѣжанія большаго зла самъ собою соглашается и рѣшается на меньшее какъ на пр. для спасенія жизни своей отсѣкаетъ зараженный членъ тѣла: то частнаго человѣка, какъ члена общества можно употребить за средство для цѣли общества, можно даже пожертвовать имъ для блага цѣлаго общества, такъ на пр. должно казнить одного злодѣя, чтобы избавить отъ смерти или отъ бѣдствій и страданій многихъ другихъ. Вотъ начала, на ко-

торыхъ утверждаются всѣ дѣйствія Правительства — начала, пропитныя человѣколюбію, но необходимыя, неизбѣжныя въ кругѣ дѣлъ человѣческихъ; начала, отъ которыхъ содрагается сердце, но которыя принимаетъ разсудокъ (*). И вотъ точки, съ которыхъ правильно можно смотрѣть въ міръ Политическій.

Опредѣливши начала, по ко-

(*) Великій Князь Владимиръ по принятіи Христіанской Вѣры уничтожилъ смертную казнь преступниковъ и замѣнилъ оную вирою или денежною пенею; отъ сего число преступниковъ умножилось. Мудрые Совѣтники представили ему вредъ и пагубу отъ его излишняго человѣколюбія. Князь принялъ ихъ совѣтъ, снова ввелъ смертную казнь и безопасность и спокойствіе снова водворились. Истор. Госуд. Россій. Томъ I. Глав. IX.

порымъ можетъ и должно дѣйствовать Правительство слѣдуетъ спредѣлить цѣль дѣйствій онаго.

Философы — Политики раздѣлились въ понятіяхъ о цѣли Политической. Нѣкоторые требуютъ одной только свободы, другіе принимаютъ за главную цѣль щастіе (*). Разсмотримъ оба сіи начала.

Ежели принять главною цѣлію политическихъ дѣйствій одну только свободу: тогда никакое общество устоять не можетъ. Тогда никакой порядокъ, никакія законы утвердиться не могутъ; ибо всякой

(*) Нѣкоторые Писатели полагаютъ другія цѣли к. п. безопасность, усовершенствованіе и проч. но онп могутъ быть приведены къ той или къ другой изъ сказанныхъ нами цѣлей.

порядокъ, тѣмъ болѣе законы, тѣмъ или другимъ образомъ связываютъ свободу человѣка. Тогда не могутъ быть надежными самые простые договоры, самыя ничтожныя условія между двумя лицами. Тогда не надѣйтесь ни на чье обѣщаніе, не вѣрьте слову самаго честнаго, извѣстнаго вамъ человѣка; ибо какъ только вообразитъ онъ, что даннымъ вамъ обѣщаніемъ стѣсняется его свобода, тогда онъ въ правѣ нарушить оное. Кромѣ того каждый обладая таковою свободою будетъ препятствовать свободѣ другаго, а обладая силою или хитростію устремится на благо другаго и кто защититъ тогда слабаго, безпомощнаго, когда ни какія связи состояться не могутъ? Вотъ чему училъ Руссо и его послѣдователи! Вотъ что на самомъ дѣлѣ хотѣлъ ис-

полнить Вейсгауптъ въ страшномъ заговорѣ Иллюминатства! Они хотѣли предать родъ человѣческій всѣмъ бѣдствіямъ слабой его натуры. Они хотѣли унизить его ниже безумныхъ животныхъ. И дикіе народы жертвуютъ частію своей свободы, а безъ того у нихъ не могло бы существовать никакого порядка, что мы видимъ напротивъ.

И такъ свобода, обворожающая умы легкомысленныхъ блестящими идеями, не можетъ быть единственною цѣлію рода человѣческаго. Кромѣ того она сама себя уничтожаетъ отъ со-*ударенія* и не можетъ быть средствомъ усовершенствованія, къ которому предназначенъ человѣкъ отъ Творца Вселенныя (*).

(*) Но въ чемъ же должна состоять

Но ежели признать за главную Политическую цѣль *щастіе*, какъ цѣлаго общества, такъ и каждаго члена онаго: тогда свобода каждаго особенно, которая впрочемъ необходима для его щастія, должна быть столько ограничена, чтобы не препятствовать свободѣ другаго, равномѣрно нужной и для его щастія. Это необходимый

истинная свобода? — Человѣкъ, какъ существо свободное имѣетъ право дѣйствовать произвольно въ достиженіи цѣлей своихъ: но *уваженіе того же права въ подобныхъ себѣ*, обязываетъ его дѣйствовать свободно столько, сколько тѣмъ самымъ онъ не можетъ вредить и препятствовать свободѣ другихъ, *какъ ближайшихъ, такъ и отдаленныхъ*. Но какъ предѣлы таковыхъ свободныхъ дѣйствій подвергались бы сомнѣнію и безпрестаннымъ спорамъ: то сіи предѣлы должны быть назначены за-

ходъ вещей въ мірѣ нравственномъ. Того требуетъ достоинство человѣчества т. е. *уваженіе особы каждаго.*

Я не буду уже говорить о томъ, что люди по необходимости или крайности большую или меньшую часть своей свободы сами добровольно уступаютъ въ пользу другихъ, чѣмъ милліоны пріобрѣтаютъ въ за-

---

конами. Самъ Монтескье говоритъ „что свобода не въ томъ состоитъ, чтобы дѣлать все то, кто что хочетъ, но въ томъ, чтобы можно дѣлать то, что дозволено законами. Но естьли бы всякой гражданинъ могъ дѣлать то, что ими запрещается: то онъ не имѣлъ бы болѣе свободы; ибо и другіе имѣли бы точно тоже право.“ Дух. Зак. Кн. XI. Гл. III. — „Истинная свобода, говоритъ Блакстонъ, состоитъ въ правѣ и силѣ дѣлать все то, что позволяетъ Законъ.“ Исполк. Англ. Зак. Пред. §. 14.

мѣнъ оной щастіе и многія тысячи спасаютъ жизнь свою отъ гибели (*), но скажу, что безъ сего пожертвованія части своей свободы человѣкъ лишался бы всякихъ удовольствій, всякихъ радостей; что на семъ пожертвованіи свободы основываются знакомство, дружество и самое даже родство; отъ сего пожертвованія произтекаетъ образованность и просвѣщеніе людей, словомъ, все превосходное и все святое въ человѣчествѣ; на семъ пожертвованіи основывается Политическое состояніе людей: утверждаются и разпространяются связи общественныя, строятся города,

---

(*) „Le superflu, chose très necessair,
A réuni l'un et l'autre Hemisphere." *Volt.*
„Si les riches ne dépensent pas beaucoup, les pauvres mourront de faim. *Montesquieu.*

защита безопасности, пищи народной дѣятельности и промышленности и обитель утѣхъ и радостей, на семъ пожертвованіи народъ пріобрѣтаетъ силу и могущество Политическія, какъ новыя средства къ дальнѣйшему развитію душевныхъ силъ и большему пріобрѣтенію щастія и блаженства.

Но въ чемъ же состоитъ щастіе — сія цѣль Политическаго вліянія на людей? Всѣ стремятся къ щастію, всѣ ищутъ онаго и всякой думаетъ и говоритъ объ ономъ по своему. Какъ же эту блестящую звѣзду нашей жизни опредѣлить въ безчисленномъ количествѣ и разнообразномъ видѣ сихъ звѣздъ?

Мнѣ кажется можно опредѣлить оное слѣдующимъ образомъ: *щастіе есть такое со-*

стояніе, въ которомъ человѣкъ имѣетъ возможность удовлетворять Физическимъ потребностямъ и требованіямъ умственнымъ и нравственнымъ по степени образованности тѣлъ и другихъ (*). Вотъ опредѣленіе, подъ которое можно подвести всѣ толки о щастіи. Къ тому направляются всѣ дѣйствія Правительства. Въ томъ состоятъ и средства къ усовершенствованію человѣческому.

(*) Прошу читателя обратить все вниманіе на сіе опредѣленіе; потому что сія цѣль будетъ цѣлію всѣхъ нашихъ изысканій. Мы вездѣ будемъ обращать на нее наше вниманіе; мы вездѣ будемъ объ ней спрашивать и при политическихъ дѣйствіяхъ Правительствъ и при политическихъ поступкахъ народовъ и въ тишинѣ мира и въ бѣдствіяхъ войны и въ дѣйствіяхъ Правительства на состо-

И такъ ежели Правительство доставляетъ равномѣрно всякому подданному сію *возможность*, ежели оно старается предупредить и изкоренить все вредное, доставить и распространить всѣ возможныя средства къ щастію; ежели оно равно оказываетъ всѣмъ *справедливость* т. е. полное удовлетвореніе въ обидахъ и притѣсненіяхъ и всякое покровительство въ законныхъ дѣйствіяхъ; (*) ежели наконецъ оно

яніе подданныхъ и во взаимныхъ соотношеніяхъ гражданъ между собою; ибо я не знаю и не могу представить себѣ другой цѣли, которая лучшебы удовлетворяла и гражданину и человѣку, каковы бы они ни были.

(*) Подтвердимъ это словами знаменитаго Англичанина Блакстона. Въ предисловіи своего сочиненія онъ говоритъ:

§. 8. Природныя права и Граждан-

вниметъ жалобамъ и голосу народа при случившихся пещастіяхъ или вкравшихся злоупотребленіяхъ, словомъ: ежели оно дѣйствуетъ по указаніямъ

скія вольности, каковыя и въ Парламентѣ подтверждаются, первоначальныя суть три и состоятъ: въ правѣ личной безопасности, въ правѣ личной вольности и въ правѣ приватной собственности.

§. 9. Право личной безопасности состоитъ въ *законномъ* наслажденіи своею жизнію, своими членами тѣла, своимъ здоровьемъ и честію.

§. 11. Право личной вольности состоитъ во власти, по которой человѣкъ имѣетъ свободное пребываніе и можетъ жить, гдѣ онъ хочетъ, небудучи нигдѣ *безаконно* задерживаемъ и изгоняемъ въ ссылку.

§. 12. Право принадлежащей всякому собственности состоитъ въ свободномъ каждаго человѣка употребленіи и распоряженіи законно пріобрѣтеннаго имѣнія безъ всякаго въ

разума и требованіямъ справедливости: то я благословляю всякой образъ Правительства, какъ руку благодѣющую человѣчеству.

томъ препятствія и беззаконнаго умаленія.

Къ симъ тремъ главнѣйшимъ правамъ, онъ прибавляетъ еще вспомогательныя или вспомоществующія оными т. е. служащія къ сохраненію первыхъ отъ беззаконныхъ на оныя посягательствъ, какъ то: „справед„ливое удовлетвореніе правосудія, „право просить не возбранно за при„тѣсненія и обиды, право законно за„щищаться.“ *Истолк. Англій. Законовъ.*

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Ни одинъ разсудительный человѣкъ не согласится съ фанатическимъ мнѣніемъ Руссо, чтобы народъ и при томъ раздѣленный на малѣйшія части всякой разъ дѣлалъ свои собранія для постановленія новаго закона и чтобы онъ перемѣнялъ и уничтожалъ свои законы, когда и какъ ему угодно (*) т. е. онъ хотѣлъ предать народы вѣчнымъ раздорамъ и междуусобіямъ. Таковая мысль Руссо годится только для народовъ дикихъ, для народовъ кочующихъ. Но что встрѣчаемъ мы тамъ между людьми? Хищенія, грабежи, разбои и убійства! Неужели таковое состояніе лучше гражданской жизни, въ которой Руссо

(*) Contr. Social.

Всесоюзная библиотека

видитъ одно насиліе, одни оковы? Даже примѣръ Греческихъ Республикъ, съ которыми онъ ни на минуту не разстается, могъ бы удержать разсудительнаго человѣка отъ подобной мысли.

Монтескье хотя и говоритъ „что всякой, кто чувствуетъ, что имѣетъ свободную душу долженъ управлять самъ собою“ признается однакожъ „что это трудно въ маломъ государствѣ, а въ *пространномъ* совершенно не возможно (*).“ И хотя въ другомъ мѣстѣ рѣшительно говоритъ „что народъ неспособенъ управлять самъ собою (**); за всѣмъ тѣмъ онъ, такъ какъ и другіе держится Демократиче-

---

(*) Духъ Законовъ Ч. II. Кн. XI. Гл. IV.

(**) Тамъ же Ч. I. Кн. II Гл. II.

скаго Правленія (*), т. е. чтобы народъ имѣлъ законодательную власть, хотя бы законы прямо имъ издавались или были бы только имъ утверждаемы. Но самъ Монтескье не могъ не признаться, что въ политическихъ дѣлахъ „народъ со ста тысячею ногъ иногда ползетъ какъ чере-

(*) Цитаю нужнымъ замѣтить, что весьма трудно выразумѣть это у Монтескье, который не открываетъ прямо своихъ мыслей, прикрывается разными *темностями*, опытрывается искусными оборотами выраженій и остротами. Тѣмъ болѣе трудно это выразумѣть, что онъ говоритъ „какъ произнесу я что нибудь о превозходствѣ Правленія, я, который думаю, что излишнее умствованіе вредно и что люди лучше примѣняются къ чему нибудь посредственному, нежели къ крайнему?“ Послѣднимъ словамъ его противорѣчитъ Исторія всѣхъ народовъ и самая природа человѣка.

паха, а иногда сто тысячею рукъ все опровергаетъ (**).“

Вотъ высокое выраженіе, изображающее причину всѣхъ нещастій Государствъ Демократическихъ, гдѣ народъ, сей мнимый Законодатель, былъ всегда жертвою обольщенія, хитрости, коварства и обмана! Что представляетъ намъ Исторія сихъ Республикъ? Періодическое волненіе легкомыслія народа и побѣды хитраго, коварнаго властолюбія!

Ежедневныя опыты людей наблюдающихъ и Исторія всѣхъ Республикъ показываютъ намъ, что народъ въ общественныхъ поступкахъ своихъ подобенъ дѣтямъ, которые стремясь за блестящею бабочкою не разсматриваютъ ни камней подъ ногами своими, на которые спот-

(*) Духъ Закон. Кн. II. Гл. II.

кнувшись разбиваются, ни пропасти, въ которую повергаются; народъ, говорю, поразившись блестящими видами, ему показываемыми или страшными предметами, ему представляемыми, не въ состояніи бываетъ въ своемъ ослѣпленіи или въ простотѣ своей ничего обдумать глубокомысленно; а потому не въ состояніи ни предвидѣть могущихъ произойти отъ того въ послѣдствіи вреда и опасностей ни разумѣть настоящей пользы и не въ состояніи знать и принять надлежащихъ, не говорю уже, вѣрныхъ средствъ въ *многосложныхъ* дѣлахъ политическихъ. Онъ съ неистовствомъ стремится къ полученію первыхъ и съ упорствомъ къ отвращенію послѣднихъ (*). „Это больное

(*) „Народъ въ буйствѣ своемъ,

тѣло, которое всегда сумазбродствуетъ, сказалъ знаменитый Чатамъ. У васъ, говорилъ Скифъ Анахарсисъ Солону, мудрые имѣютъ право разсуждать, а право рѣшенія принадлежитъ глупцамъ. Отъ того то народъ и бываетъ всегда жертвою хитрости и коварства. Почувствовавши же свою ошибку онъ приходитъ въ волненіе, снова подвергается обманамъ и потомъ снова волнуется.

Исторія Аѳинянъ, болѣе извѣстная, нежели исторія другихъ демократическихъ республикъ, представляетъ намъ безчисленныя картины опасныхъ народныхъ проступковъ.

говоритъ Цицеронъ, невидитъ опасности, въ которую низвергается." De Legib. Lib. III.

Сіи Аѳиняне, переходившіе безпрестанно то къ демократическому, то къ Аристократическому, то къ Монархическому Правленію, вѣчно волновались за свою свободу и среди сихъ безпорядковъ власть переходила или къ сильнѣйшимъ или къ хитрѣйшимъ. То сторона нагорная одерживала верхъ; то жители долины; то партія прибрежная; то бѣдные присвоивали себѣ всю власть; то богатые всѣмъ овладѣвали. То изгоняли Аристидовъ, Ѳемистокловъ, Кимоновъ и Фокіоновъ и заключали въ темницы Мильтіадовъ; то обожали Пизистрадовъ и Периклова. Благоразумные совѣты Никія ничего не значили въ политикѣ Аѳинянъ предъ красотою, ловкостію и краснорѣчіемъ Алцибіада, котораго они то осуждали, какъ врага Отечества: то

принимали потомъ торжественно, какъ полу-бога. Краснословные Ораторы давали направленіе политическимъ мыслямъ ихъ на всякой день (*).

Но не одинъ Афинскій народъ подверженъ былъ легкомыслію, что утверждаютъ всѣ почти политики. Всякой народъ покажетъ такое же легкомысліе и безразсудность, какъ скоро будетъ имѣть такую же свободу, какъ Афиняне. И въ другихъ образахъ Правленія, гдѣ случается ему имѣть участіе въ дѣлахъ общественныхъ, онъ всегда показываетъ тотъ же характеръ и всегда бываетъ обманываемъ. Римскіе Патриціи вооруживъ народъ ненави-

---

(*) Считаю нужнымъ замѣтить, что все сіе происходило въ одномъ небольшомъ городѣ, гдѣ гражданъ было только 30,000.

стію даже противъ имяни Царскаго, сами завладѣли всею властію (*). Народъ, давимый новыми Правителями почувствовалъ свою ошибку и принялся за возмущенія, которыя и продолжались до самыхъ Императоровъ. Патриціи, опасаясь потерять все въ борьбѣ съ народомъ, уступали по временамъ ихъ требованіямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ запутывали ихъ хитростями.

Народъ снова приступалъ съ требованіями и всегда новая уступка правъ сопровождалась новымъ обманомъ. На пр. когда Консулы стали управлять совершенно самовластно: то народъ требовалъ изданія опредѣленныхъ законовъ. Въ продолженіи 60 лѣтъ спорили о томъ Па-

(*) Omnia jura, omnia insignia primi Consules tenuere. Tit. Liv: Lib. II. cap. I.

прицiи; но будучи принуждены къ тому силою, по крайней мѣрѣ предоставили однимъ себѣ изтолкованiе правъ, хранили втайнѣ отъ народа формы судопроизводства и дни, въ которые можно было производить судъ и въ которые нѣтъ. Гаданiя, безъ которыхъ нельзя было приступить къ отправленiю дѣлъ частныхъ и общественныхъ, были также въ ихъ рукахъ. Все сiе употребляли они по своимъ видамъ. Когда же Флавiй черезъ *сто пятьдесятъ лѣтъ* похитилъ тайны судопроизводства и обнародовалъ оныя: то Патрицiи изобрѣли новые обряды и сокрыли ихъ отъ новаго похищенiя подъ условленными знаками или титлами. Но когда Юриструденть Елiй черезъ *сто потомъ лѣтъ* объяснилъ и сiи тайны: то Патрицiи удержали по крайней мѣрѣ у себя исполкованiе правъ

и гаданія. Часто прерывали они неблагопріятствовавшія имъ народныя собранія устрашительными гаданіями, дѣлали ложныя объявленія о числѣ народныхъ голосовъ по сборѣ оныхъ, а иногда даже крали урны, въ которыя они собирались. Скажу еще о важнѣйшемъ случаѣ: когда народъ выпросилъ себѣ Трибуновъ: то Патриціи увидѣвши всю опасность отъ сихъ защитниковъ народа, разпорядились такъ, чтобы ни какое предложеніе Трибуновъ не могло состояться безъ общаго всѣхъ ихъ согласія и таобразомъ успѣвали въ цѣляхъ своихъ или подкупая одного изъ Трибуновъ или поссоривши ихъ между собою, или обезславивши и приведши ихъ въ подозрѣніе у народа, что случилось съ Гракхами.

Сверхъ того много труда

стоило покорить отвѣтственности законовъ Консуловъ и Диктаторовъ. Всякіе почти Чины присвоивали себѣ страшную власть к. т. Сенатъ, Консулы, Децемвиры, Диктаторы, Преторы, Проконсулы, Пропреторы, самые даже Цензоры (*). Трибуны также не упустили распространить своей власти. Всадники, познакомившись по случаю съ властію хладнокровно оставили цѣль, назначенную имъ отечествомъ, забыли о его благѣ и добились, хотя уже въ концѣ республики, другой цѣли — раздѣлять выгоды власти съ правителями.

(*) Все трепетало наконецъ предъ ними, когда они производили перепись всего Римскаго народа. Но чию сей трепетъ происходилъ не отъ строгаго ихъ правосудія и честности: то смотри о семъ у Цицерона въ рѣчи его за Клиента.

Теперь слѣдуетъ спросить не о томъ, были ли свободны Греки и Римляне, потому, что всякой Грекъ и Римлянинъ вѣчно шумѣлъ о своей свободѣ и *за* свою свободу; но спрашиваю, были ли они столько же щастливы, сколько были свободны? Кромѣ представленныхъ мною примѣровъ скажу еще, что какъ тѣ, такъ и другіе вѣчно хлопотали о раздѣлѣ земель и противъ тиранства заимодавцевъ, такъ, что послѣдніе отказывались даже защищать свое Отечество т. е. лучше соглашались итти рабами къ побѣдителямъ своимъ, нежели жить въ любезной для сердца родинѣ. „Дикіе звѣри имѣютъ для себя норы, а Римляне, которыхъ величаютъ обладателями Вселенной, не имѣютъ хижины для своего успокоенія и укрытія себя отъ бурь и непо-

годъ, ни клочка земли для своего погребенія, возклицалъ Гракхъ въ самыя цвѣтущія времена Республики!“ Я не скажу болѣе ничего (*).

„Совершенная Демократія не можетъ продолжаться и пяти минутъ, говоритъ Швейцарскій Историкъ Мюллеръ (**).“ Не буду разпространяться о сей истинѣ, но скажу только, что мы рѣдко видимъ въ Исторіи Республики Демократическія, рѣдко даже Аристократо-Демократическія, но вездѣ почти встрѣчаемъ Аристократическія т. е. гдѣ верховная власть вру-

---

(*) Щитаю нужнымъ замѣтить, что предложенное нами описаніе произшествій въ Римѣ, а особливо въ Аѳинахъ есть почти безпрерывный ходъ времени.

(**) Въ письмѣ къ Бонштетену.

чена бываетъ или какому либо классу народа, или избранной части его. Но что видѣли въ сихъ Республикахъ? Сей управляющій классъ народа или сіи его избранные всегда давили остальную часть. Я уже сказалъ нѣчто о Римлянахъ и щитаю сіе довольнымъ. Взглянемъ ли на другія Республики? Что представила намъ исторія оныхъ? Чудовищныя постановленія въ Венеціи и Генуѣ, тиранскую власть Дворянства въ Даніи, буйную, раздирающую государство Аристократію въ Швеціи (*), а въ Польшѣ уродливыя права Дворянства, которыя поддерживались и питались политическимъ и гражданскимъ разстройствомъ своего Отечества

(*) Я говорю о томъ времени, когда Датскій и Шведскій Короли имѣли одно только имя.

и гдѣ всякой, кто не былъ Дворянинъ, безжалостно преданъ былъ въ жертву Дворянству и гдѣ отъ крика послѣдняго невѣжды содрагалось цѣлое Государство и проливались цѣлыя рѣки крови сограждан.

Но мнѣ скажутъ: неопредѣлительность Политическихъ началъ, непросвѣщеніе тогдашнихъ временъ не могутъ быть опроверженіемъ истинъ открытыхъ великими умами въ наши просвѣщенныя времена. Но — что дѣлали Французы въ теченіе прекрасныхъ дней своей свободы, какъ возпѣвали они въ одахъ и краснословили на каѳедрахъ и въ журналахъ? Изображеніе ада отразилось на лицѣ Франціи! Республиканцы разодрали Монархическую Конституцію, принятую народомъ съ трогательнымъ единодушіемъ и востор-

гомъ, и выгнали защищавшихъ оную; Демократы Республики *единой и нераздѣлимой* убили Демократовъ Республики Федеративной. Кровожадные Монтаньяры предали сѣкирѣ Гильотины партію Жирондистовъ и потомъ сами раздѣлились на разныя партіи, которыя всѣ поглощаетъ въ одного себя лютый Робеспьеръ; Тальенъ и Фреронъ низвергаютъ сего варвара „котораго имя здѣлалось гнуснѣйшимъ пятномъ для самыхъ ужасныхъ злодѣевъ (*).“ На развалинахъ его партіи Фукье-Тіонвиль основалъ адское свое владычество. Конвентъ и Совѣтъ мѣщанства, подобно лютымъ тиграмъ свирѣпствуютъ другъ противъ друга и терзаютъ все, встрѣчающееся имъ на пути ихъ. Тринадцать Ко-

(*) Ист. Мил Ч. II.

мятежовъ были тридцать самовластныхъ Правительствъ, питавшихъ взаимно между собою раздоры и препятствовавшихъ одинъ другому. Члены Конвента открыто свирѣпствовали другъ противъ друга и одержавшая верхъ партія уничтожала на другой день предписанія противной партіи и издавала совершенно противныя повѣленія (*). Окровавленными штыками и кинжалами писали законы, а раскаленными ядрами направляли мысли Законодателей. Всякая вооруженная шайка бродягъ, всякая толпа площадныхъ и безчестныхъ фурій предписывала законы образованной и просвѣ-

(*) Они дѣйствовали по великой идеѣ Руссо, чтобы народъ перемѣнялъ и уничтожалъ свои Законы, когда и какъ ему угодно.

щенной Націи! Все сіе поглощается ужасною Директоріею, которая, неистовствовавъ и противъ самой себя, низвергается наконецъ коварствомъ щастливаго воина; словомъ: тысячи партій, тысячи явныхъ политическихъ раздоровъ, тысячи тайныхъ адскихъ замысловъ для блага Отечества! А народъ? былъ ли онъ свободенъ и щасливъ? — Онъ не имѣлъ уже Монарха, который низвергнулъ бы тирановъ его, подобно Густаву III; на мѣсто блистательнаго трона во всѣхъ предѣлахъ Отечества и на всѣхъ почти перекресткахъ улицъ онъ обрѣталъ одинѣ гильотины; вмѣсто возбуждающихъ зависть отличій за заслуги онъ видѣлъ одни только оковы; для веселаго характера его осталось одно оцѣпененіе ужаса и вмѣсто прежняго Монархическаго спокойствія, о

которомъ увѣряли его, что оно есть рабство, недостойное разумныхъ существъ, ежеминутная мысль о грабежахъ и убійствахъ оледѣнила душу и сердце его; для добродѣтели и невинности единственными убѣжищами осталась темницы или лагерь; во имя прекраснѣйшей свободы *безъ всякаго суда и безъ всякаго разбора виновныхъ и невинныхъ* тысячи потопляемы были на новоизобрѣтенныхъ Республиканскимъ Геніемъ судахъ и тысячи разстрѣливались картечью или погибали съ голоду въ темницахъ. „Ни что не могло укрыться отъ тирановъ, нигдѣ не было для жертвъ ихъ вѣрнаго убѣжища; ни какая помощь не спасала отъ гоненія; ни какой лучь утѣшенія не озарялъ мрака темницы и безсмысленная чернь съ дикою радостію взирала на муку осужден-

ныхъ, говоритъ Сегюръ (*).“ Словомъ: въ прежнемъ царствѣ просвѣщенія, образованности и любезности кипѣла геенна ужасовъ и злодѣяній. Наконецъ адское Правительство хотѣло истребить самый разумъ человѣческій. Оно уничтожило Академіи и науки и запретило журналы. „Французская Республика

(*) Карп. Евр. XVIII. Ч. II. Гл. XI. Знаменитый Бюрке, къ которому недовольные Правительствомъ часто взывали въ публичныхъ листахъ: ты спишь Брутъ! не только перемѣнилъ фанатизмъ свой къ вольности, увидѣвши Французскую Революцію, на умѣреннѣйшія правила, но еще былъ публичнымъ доносителемъ въ Парламентѣ противу заговоровъ, существовавшихъ въ клубахъ Англіи. Онъ говорилъ „покажите мнѣ самое варварское Правительство, въ которомъ бы въ продолженіе цѣлаго столѣтія учинено было столько грабежей, убійствъ и

будетъ существовать подъ покровомъ невѣжества, говорилъ Дюранъ-Мельянъ въ варварскомъ Конвентѣ при рукоплесканіи членовъ онаго.“

Еще скажутъ мнѣ, что скорый переходъ къ свободѣ ослѣпившей умы Французовъ, не позволилъ имъ видѣть хорошо оную и утвердить ее надлежащимъ образомъ. Но что дѣлало

злодѣяній, сколько совершается оныхъ въ одну недѣлю во Франціи, которую называлъ онъ *Разбойническою Республикою*, а *народъ ея бѣшеницимся*. Страстный любимецъ народа, жаркій противникъ Правительства — Фоксъ признался, что Французское Правительство есть *Злѣйшая Тирания*. Когда Американское Правительство принуждено было объявить войну Французамъ: то Вашингтонъ, одолженный имъ спасеніемъ, своего Отечества и своею славою самъ припялъ противъ нихъ начальство надъ арміею.

въ прошедшемъ столѣтіи Шведское Дворянство, давно знакомое съ свободою и еще болѣе приобрѣтшее оной униженіемъ Королевской власти? „Не льзя представить себѣ опаснѣйшаго политическаго раздора, какой былъ тогда въ Швеціи, говоритъ Графъ де Гердъ, писавшій о произшествіяхъ сего времени. Ожесточеніе и ненависть съ разною силою дѣйствовали въ съ обѣихъ сторонъ; неистовсивали и гнали другъ друга безъ пощады. Люди, неимѣвшіе никакихъ достоинствъ, были возводимы въ знатнѣйшіе чины и при всякомъ случаѣ насильственно смѣшивали праведное и неправедное, законность и злоупотребленіе, свободу и необузданность.“ Но чтобы яснѣе изобразить нещастія сего времени приведу Рѣчь Густава III, говоренную имъ въ Государствен-

номъ Сеймѣ послѣ щастливаго переворота, произведеннаго имъ съ искуствомъ, мудростію и великодушіемъ Героя — Политика. За вѣрность изображенной въ ней картины ручается Исторія. „Это печальная, но всѣмъ извѣстная истина, говорилъ онъ, что несогласіе и ненависть раздирали Государство, столь долгое время раздѣленное на партіи, которые старались разорять Отечество. Вамъ извѣстно, какіе раздоры причиняло сіе раздѣленіе. Досада упоевалась мщеніемъ, мщеніе гоненіями, гоненія новыми революціями, кои, подобно періодическимъ болѣзнямъ, нападали на корпусъ Государственный, терзали его и лишали тѣлесныхъ силъ. Всѣ сіи произшествія потрясали государство потому только, что нѣкоторые Особы жаждали владычества. Проливалась кровь

то одной, то другой партіи, а жертвою сей несправедливости былъ народъ. Господствующая партія старалась о утвержденіи своей власти и все, что она ни дѣлала, стремилось къ тому единственно, часто на щетъ однихъ согражданъ, но вмѣстѣ и на щетъ цѣлаго Государства. Гдѣ законъ былъ ясенъ, тамъ его запутывали и нарушали. Для Аристократовъ небыло ничего святаго; они были исполнены честолюбія, ненависти и любомщенія. Наконецъ столь далеко заблудились, что большинство голосовъ явно предпочитали закону и неупотребляли никакихъ другихъ правилъ, кромѣ своего мнѣнія и собственной своей воли.“

„Въ рукахъ побѣдившей партіи, которая сама зависѣла отъ соизволенія нѣкоторыхъ, Правленіе превратилось въ несносный

Аристократическій деспотизмъ. При возвѣщеніи новаго Государственнаго Сейма сами Чины дрожали и нимало не помышляя о поправленіи Государственныхъ дѣлъ, занимались только набираніемъ своей партіи и защищеніемъ себя отъ дерзости и повѣленій противной стороны. Если внутреннее состояніе Государства было въ такой опасности: то сколько унижено внѣшнее положеніе онаго, посрамленное вашими раздорами!

„Ваши предводители, но болѣе собственное ваше любомщеніе васъ ослѣпило. Всѣ границы были разрушены, всѣ контракты уничтожены. Злодѣяніе неистовствовало безъ страха и чѣмъ болѣе старались укротить его, тѣмъ сіановилось оно необузданнѣе. Добродѣтельнѣйшіе, достойнѣйшіе, благороднѣйшіе

Граждане учинились жертвою; старые чиновники, отличившіеся ревностною, усердною службою Отечеству были обезчещены; цѣлые Коллегіи опрѣшены; къ народу нельзя было отнестися; жалобы и вопли его называли бунтомъ и наконецъ вольность превратилась въ несносное иго Аристократовъ."

Но мнѣ укажутъ можетъ быть на Швейцарію, которая въ теченіи столькихъ вѣковъ, изключая нѣкоторыхъ случаевъ, представляетъ прекрасный примѣръ Республики.

Я скажу, что только особенное положеніе сей страны сохраняло ее отъ бѣдствій Республиканскаго Правленія. Начальная простота нравовъ ея жителей, бѣдность страны, а особливо *Географическо-Политическое* положеніе къ окружающимъ Державамъ, сохранили ее

ющимъ Державамъ, сохранили ее отъ пагубныхъ потрясеній. Когда завоевала она свою независимость: но, будучи угрожаема бывшею владычицею своею — гордою Австріею, окруженная со всѣхъ сторонъ сильными Державами, она думала единственно о своей безопасности. Всѣ мысли и дѣйствія ея были устремлены къ тому единственно, чтобы удержать оную, укрѣпляя какъ можно болѣе внутреннія связи во всѣхъ частяхъ до малѣйшихъ подробностей. Отсюда то произтекли строгіе законы ея къ наблюденію нравственности народной удерживающіе страсти въ самыхъ строгихъ предѣлахъ.—Такъ! Швейцарія можетъ существовать только прижавшись въ углу своихъ великановъ и наблюдая величайшую тишину, дабы и малѣйшимъ шумомъ не обезпокоить окружа-

ющіе ея Державы (*), подобно, какъ нынѣ, существуютъ Гамбургъ, Любекъ, Франкфуртъ и прочія Республики въ Европѣ. *Неутралитетъ* былъ всегда лучшимъ ея политическимъ поведеніемъ. Но сія самая Швейцарія всегдали сохранила себя отъ бѣдствій Республиканскаго Правленія?

Флегматическій характеръ Голландцевъ (**) и главная цѣль политическаго бытія ихъ т. е.

(*) На пр. въ 1781 году здѣлалась Революція въ Женевѣ и дошло до кровопролитія. Короли Французскій и Сардинскій выслали нѣсколько полковъ на границы оной и все кончено безъ ружейнаго выстрѣла.

(**) Часто случалось, что Голландцы, недовольные Правительствомъ, собирались тысячами на площадяхъ и цѣлый день спокойно разсуждая о поступкахъ Правительства, также спокойно разходились по домамъ.

торговля, къ которой устремлены были всѣ мысли, чувства и желанія, неустрашили сихъ Республиканцовъ отъ волненій и нещастій политическихъ, которыя не рѣдко угрожали сей землѣ великими опасностями! Только постановленіе Штатгальтера было нѣсколько разъ ея спасеніемъ.

Еще укажутъ мнѣ на Сѣверную Америку. Такъ! отдадимъ все уваженіе мудрости и благородству ея Правительства: Но да позволено будетъ предложить свое мнѣніе. Мы думаемъ, что Американецъ, завоевавшій свою независимость, до сихъ поръ еще въ упоеніи отъ оной. Сей новый житель міра политическаго, быстро вырвавшійся изъ оковъ своихъ, еще до сихъ поръ не наскучилъ своимъ состояніемъ и не насытился еще пріятностями онаго. Но всякое бла-

женство прискучаетъ наконецъ непостоянному сердцу человѣческому. Такъ! взгляните на узника, вышедшаго въ первый разъ изъ темницы своей на чистый, благоразпворенной воздухъ. Тысячи людей проходятъ равнодушно мимо того мѣста, отъ прелестей котораго онъ въ упоеніи, тысяча дѣлъ отправлено въ продолженіе того времени, въ которое онъ блаженствуетъ отъ одного вліянія воздуха. Страсти и заблужденія мятутся въ страшномъ вихрѣ, сражаются съ ужаснымъ боемъ, опровергаютъ, разрушаютъ страшныя преградыихъ теченію-тогда, когда сей щастливецъ благоговѣетъ предъ спокойствіемъ природы, услаждающемъ душу и сердце его. Но восторгъ и упоеніе наконецъ проходятъ. Къ нему приступаетъ природа съ своими требованіями. Миръ ду-

шевный нарушается побужденіями физическими и онъ уступаетъ слабости природы человѣческой! Такъ! пройдутъ восторгъ и упоеніе щастливаго Американца! къ нему приступятъ страсти и заблужденія съ своими требованіями и обольщенный ихъ прелестями онъ нарушитъ тишину и блаженство своего Отечества. Мы уже видѣли первые опыты оныхъ. Партіи при выборѣ Президента, заговоры и неповиновеніе Конгрессу, (*) раздѣленіе народа на Французскую и Англійскую партіи еще при жизни Вашингтона, а потомъ на Демократовъ и Федералистовъ, слѣдствіемъ чего была безразсудная война съ Англіею, которая не принесла имъ ничего, кромѣ обыкновенныхъ бѣдствій,

(*) Въ 1790хъ годахъ.

страницю уже волновалъ *младенствующую* ихъ политику. Порадуемся щастію сихъ нашихъ собраній, доколѣ страшныя бури и громы политическія не загремѣли въ ихъ Отечествѣ. Тогда — мудрость Республиканская, сіе игралище страстей и коварства, не въ силахъ будетъ противоборствовать о н ы м ъ. Нѣтъ! *Она не имѣетъ такого могущества!*

Приступая въ особенности къ изслѣдыванію Монархическаго Правленія, опредѣлимъ во первыхъ образъ и характеръ онаго въ истинномъ его видѣ.

Монтескье называетъ Монархіею то Правленіе, гдѣ вся власть заключается въ рукахъ одного, дѣйствіямъ котораго служатъ основаніемъ существующіе законы (*); но изъ дальнѣйшихъ

(*) Духъ Зак. Ч. Кн. II. Гл. IV.

его сужденій о Монархіи видно, что онъ находитъ, что въ семъ Правленіи законы и политика устремлены единственно къ выгодамъ Государя.

Монтескье, какъ видно, судилъ о Монархіи по остаткамъ варварства, еще существовавшимъ въ его время.

Нынѣ просвѣщенная Европа не то видитъ въ образѣ Монархическаго Правленія. Она видитъ въ немъ, что *источникъ всѣхъ властей и учрежденій заключается въ одной Особѣ Государя, но что законы, существующіе въ ономъ устремлены единственно къ благу подданныхъ; а политика занимается сохраненіемъ и утвержденіемъ общественнаго порядка и лучшимъ достиженіемъ общественныхъ цѣлей.*

Надобно признаться, что прежнія Европейскія Правительства уклонялись иногда отъ настоящей цѣли. Но таковъ былъ духъ времени.

Когда варвары разрушили преграду дикихъ набѣговъ ихъ, когда изчезъ страхъ Римскаго имени: тогда различныя орды ихъ наводнили всю Европу, неся съ собою огнь и мечь, разрушая всѣ произведенія жизни гражданской и развившейся, хотя подъ тяжкимъ игомъ, образованности народовъ, а смѣнявшіе одни другихъ варвары и спорившіе между собою о побѣдахъ и завоеваніяхъ, погрузили наконецъ всѣ области Европы въ первобытное состояніе невѣжества. „Тогда земля была не иное что, какъ сцена кровавыхъ побоищъ, война не иное что означала, какъ разбойничество, а люди были варва-

ры, которые думали, что они родились единственно для насилія, грабежа и убійства подобныхъ себѣ (*).“

Но когда варварство лютыхъ Ордъ насытилось бѣдствіями, упилалось кровію; когда сами они наконецъ рѣшились перемѣнить кочующую жизнь на постоянное мѣстопребываніе, на жизнь гражданскую: тогда, хотя и изчезла люпость сихъ варваровъ, но духъ злобный переселимся вмѣстѣ съ ними и въ жизнь гражданскую. Хищенія и грабежи еще свирѣпствовали. И хотя мирная гражданская жизнь и налагала узы на дѣйствія правителей, но дышавшіе разрушеніемъ военачальники сообщили и правительствамъ свой характеръ и духъ

(*) Рѣчь Бордо о пользѣ наукъ и художествъ.

варварскій прикрывался только видами политики и вражда, прежде открытая, запутывала впередь мнѣніе народа въ обманчивые виды оной и непрестава-ла свирѣпствовать подъ разными предлогами. Невѣжество погрязшихъ временъ покровительствовало сей мрачной политикѣ. „Вообразите пустыню, говоритъ Гольберъ, по которой рыщутъ тигры, волки и лисицы и терзаютъ стада робкія и разпуганныя. Таково было состояніе Европы въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій (*)!“

Но заря просвѣщенія и гражданской образованности заялась на горизонтѣ Европы и хотя мрачными тучами невѣжества, предразсудковъ и суевѣрія замедлялось дѣйствіе свѣта ея; но отблески оной, про-

(*) Essais sur les moeurs.

бивалсь сквозь мрачныя тучи падали на омраченную землю и освѣщали пути разуму; наконецъ быстро разлилась она по горизонту Европы, но остатки прежняго варварства и невѣжества еще тяготили оную.

Послѣ беззаконныхъ нападеній и грабежей хитрые честолюбцы перешли къ новымъ идеямъ: о величіи Государствъ на ихъ обширности; объ ослабленіи и униженіи сильнѣйшихъ и могущественнѣйшихъ и присоединеніи слабѣйшихъ; о всеобщей Монархіи; о политическомъ равновѣсіи и пр. Первенство степени Державъ, преимущество въ церемоніалахъ были также важными политическими предметами.

Сіи идеи питали вѣчные раздоры между государствами; разоряли, опустошали области и угнетали народы, а временной

отъ того выигрышъ снова перялся въ разщетахъ губительной мечпательюсіи или отъ мщенія притѣсненныхъ. Тогда слава государствъ ознаменовывалась только кровію человѣчества и коварною политикою правительствъ. Отъ сей то коловратной политики измѣнявшей царства и народы, родилась гореспная, убійственная нынѣ мысль о непремѣнномъ паденіи и разрушеніи государствъ (*).

Все было запутано въ сей коварной политикѣ — мысли, чув-

(*) И Руссо подверженъ былъ сему мнѣнію. Если погибли Спарта и Римь говорипъ онъ, то какое государство можепъ льстишься надеждою на вѣчное существованіе? Ежели мы желаемъ образовать продолжишельное существованіе общества: то не должны думать, что можемъ содѣлать оное вѣчнымъ. *Cont Social.*

ства и желанія (*)! Самые лучшіе Государи, истинные благодѣтели человѣчества, увлекались общимъ духомъ или общимъ ходомъ происшествій и обстоятельствъ. И правительства, обманутыя или ослѣпленныя сказанными идеями, думая единственно о нанесеніи ударовъ другимъ государствамъ, испощали собственное и удручали бѣдствіями свои народы. Отсюда же произошли и всѣ вредныя учрежденія, тяготившія народы; отсюда же забыты были и всѣ другія цѣли и человѣчество перешло свое достоинство, будучи унижаемо для достиженія ложныхъ политическихъ видовъ.

Все сіе къ несчастію продолжалось до великаго происшест-

(*) Извѣстно, что Махіавель написалъ свои правила Правленія по духу своего времени.

вія въ Европѣ, перемѣнившаго весь видъ политики, давшаго ей истинное назначеніе и цѣль благороднѣйшую, достойнѣйшую человѣчества, совершенно его успокоившую!

Какое великое зрѣлище представилось свѣту, когда могущественнѣйшіе Монархи, могшіе раздѣлить между собою всю Европу, торжественно отказываются отъ всякихъ завоеваній, ручаются за безопасность малѣйшей области и назначаютъ себѣ цѣль, достойнѣйшую Владыкъ земли, цѣль — печься единственно о щастіи своихъ подданныхъ (*)!

Съ того времени Европа видитъ одну благороднѣйшую политику своихъ Государей, хо-

---

(*) См. великодушные, благородные Трактаты и Манифесты союзныхъ Государей въ Парижѣ.

тя коварство силится непрестанно помрачить оную клеветами. И будемъ ли мы нынѣ судить о Монархіяхъ по примѣру прежнихъ? Нѣтъ! мы не можемъ уже нынѣ говорить о Монархіи иначе, какъ представляя Монархію просвѣщенную. И такъ обратимъ особенное вниманіе наше на сей священный образъ правительства и покажемъ достоинства онаго глазамъ просвѣщеннаго міра!

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Изъ предложеннаго нами краткаго взгляда на состояніе Республикъ видно, что *могущественная сила*, столько необходимая для гражданскаго и политическаго состоянія людей (*), въ Демократіи блуждаетъ по своей сферѣ и достается въ руки хитрости и коварства; въ Аристократіи ее насильно раздѣляютъ на части, которыя и дѣйствуютъ по различнымъ направленіямъ (**).

Только въ Монархіи она имѣетъ опредѣленное, твердое мѣсто и неколебимую силу.

Въ томъ состоитъ первое политическое достоинство Правленія. Нетвердость сей могу-

(*) Стр. 12.

(**) См. Главу первую.

щественной силы питаетъ надежды хитрости и коварства овладѣть оною. Лестное право позѣвать и соединенные съ онымъ выгоды безпокоятъ сердца, мучатъ завистію души и отваживаютъ умы на похищеніе власти. И что противостанетъ въ Республикахъ успѣхамъ хитрости, тайныхъ замысловъ и коварства честолюбцевъ? *Рубиконъ* — не можетъ быть для нихъ преградою. *Конституція* — паутина, которою прикрываются и сквозь которую удобно пролѣзаетъ тонкая, изгибающаяся хитрость или которую легко разрываютъ удачнымъ ударомъ. Не одинъ Цезарь переступаетъ черту, законами запрещенную. Гошъ и Анжеро также легко перелѣзаютъ оную (*), чтобы спо-

(*) Конституціею 795 года запре-

спѣшествовать видамъ тиранской Директоріи, которая и покрыла ихъ своимъ могуществомъ. Ошибка только въ разщетѣ возпрепятствовала Дюмурье, подобно Цезарю, двинуть войско къ Столицѣ своего Отечества, дабы захватить въ руки свои все Правленіе. Конвентъ и Директорія, приведшіе Францію въ оцепененіе ужаса располагали законами по своимъ видамъ. Тысячу разъ нарушали Конституціи перемѣнявшіеся правители Французской Республики, а заговорщики торжественно раздирали оныя кинжалами.

Какъ бы законы ни опредѣляли образъ и предѣлы властей, но — будучи произведеніемъ, такихъ же людей, питаютъ въ подобныхъ нворцахъ о н ы х ъ

щалось вводить въ Парижъ войска за два дни пути.

мысль о возможности перемѣны-ихъ; и такимъ образомъ въ Республикахъ законы всегда бываютъ игрушкою хитрыхъ и коварныхъ честолюбцевъ. „Все покоряется силѣ, говоритъ Салюстій, власть общественная изторгаясь изъ рукъ слабыхъ и не искусныхъ переходитъ непременно въ руки сильныя и искусныя.“

Но тамъ гдѣ власть Священная даетъ существованіе законамъ, тамъ они не могутъ возродить таковыхъ мыслей. Ибо, чтобы измѣнить или перемѣнить какой бы то ни было законъ, надобна на то воля Священной Особы, съ которою никто изъ подданныхъ и помыслить не дерзаетъ сравниться. А потому-то дерзость подданнаго, замышляющаго какую либо перемѣну есть истинное сумасшествіе въ глазахъ всѣхъ

его сограждан и кромѣ презрѣнія и насмѣшекъ ничего отъ нихъ незаслужитъ. Въ Англіи *рожденіе* законовъ хотя начинается между подданными; но бытіе, существованіе, скажу, *твореніе* оныхъ зависитъ единственно отъ воли того, котораго Конституція равняетъ Божеству (*). Потому-то законы оной имѣютъ столь твердую и непоколебимую силу. Напротивъ того, когда въ Швеціи унизили власть Короля: тогда законы оной потеряли всю свою силу.

Такъ! Тронъ есть такой по-

(*) Кромѣ политическаго могущества и Величества, вручаемыхъ Королю, законы Англійскіе приписываютъ ему еще Божеское совершенство. Они рѣшительно признаютъ, что Король не только не можетъ сдѣлать, но не можетъ даже и помыслить зла и въ немъ нѣтъ ни слабости, ни безразсудности человѣческой.

литическій Адамантъ, котораго рука самаго могущественнѣйшаго честолюбца пробить не въ состояніи! Въ украшеніи короны заключается тотъ тализманъ, блеска котораго не могутъ снести глаза подданнаго и отъ приближенія къ которому разрушаются замыслы, коварство и злоухищренія!

Ежели первое благо для народа есть вѣрное обезпеченіе его благоденствія: то подданные Монархіи твердо обезпечены въ ономъ. Они не опасаются *легкомысленныхъ простуиковъ народныхъ* и не болятся быть жертвою коварныхъ руководителей, которые приобрѣвъ довѣренность слѣпаго народа, всегда измѣняютъ ему для своихъ выгодъ и становятся его Тиранами (*). Они не боятся ни

(*) Послѣ сказаннаго нами о Гре-

Писистратовъ, ни Периклевъ, ни Алкивіадовъ; ни Маріевъ, ни Силлъ; ни Крассовъ, ни Помпеевъ, ни Цезарей; ни Лепидовъ, ни Антоніевъ, ни Октавіевъ; ни Кромвелей, ни Маратовъ, ни Дантоновъ, ни Робеспьеровъ, ни ихъ сообщниковъ, ни ихъ послѣдователей, ни Фукье-Тіонвилей, ни Наполеоновъ (*)!! „Мы имѣемъ Государя, говорилъ Плиній Траяну, для того, чтобы

кахъ и Римлянахъ весьма странно читаешь у Монтескье слѣдующее: „народъ имѣетъ удивительную способность въ избраніи тѣхъ, которымъ вручаетъ власть.“ Духъ Зак.. Ч. I.. Кн. II. гл. 11..

(**) Представляемые примѣры часто изчезаютъ въ мысляхъ, какъ сказанныя слова изчезаютъ иногда въ воздухѣ; а потому прошу читателя припоминать или прочитать обстоятельно всѣ бѣдствія и страданія, претерпѣнныя народами отъ сихъ и другихъ честолюбцевъ, дабы

онъ предохранялъ насъ отъ Господина (*)!“.

Напротивъ того въ Республикахъ нѣтъ сей щастливой увѣренности, нѣтъ сего сладостнаго мира въ душѣ гражданина. Замыслы честолюбія, хитрые толки коварныхъ вѣчно тревожатъ душу сомнѣніями, мучатъ сердце угрозою дѣйствительныхъ или мнимыхъ опасностей и гражданинъ засыпаетъ и просыпается съ безпокойствомъ въ душѣ своей. Въ чемъ ли состоитъ щастіе человѣка? чего желаютъ сіи знаменитые Авторы, называющіе душевное спокойствіе гражданина гнуснымъ именемъ рабства? Они хотятъ лишить человѣка перваго блага жизни; на-

---

чувствовашь всю силу приводимыхъ мною въ семъ сочиненіи примѣровъ.

(*) Panegyr. Trajano.

шей! Они хотятъ поселить въ душѣ вѣчный страхъ опасности. Они хотятъ зажечь въ сердцахъ вѣчный пламень раздора и вражды (*)!

Только ослабленіемъ самой себя Монархія можетъ подать поводъ къ замысламъ и ухищреніямъ честолюбцевъ и подвергнуть народъ раздорамъ и междуусобіямъ. По смерти Карла XII, опасность быть изключенною отъ Престола заставила Ульрику—Элеонору уступить часть законныхъ правъ своихъ Сенату и Сейму, а желаніе ея возвести на Престолъ супруга своего Адольфа-Фридриха возбудило властолюбивое Дворянство къ новому похищенію правъ короны. Таковая слабость повергла Швецію въ гибельные раздоры

(*) Исторія Рима а особливо Аѳинъ ясно ещо показываетъ.

честолюбцевъ. Людовикъ XVI, добродушіемъ своимъ ослабивши власть Королевскую, предалъ Францію всѣмъ бѣдствіямъ гибельной Революціи.

Только возвращеніемъ принадлежавшихъ правъ коронѣ Мудрый Густавъ III, утишилъ раздоры, терзавшіе около столѣтія Швецію, доставилъ ей прежнее спокойствіе, въ которомъ отчаялись добрые его подданные, а вмѣстѣ съ онымъ возвратилъ и щастіе своему Отечеству. Деспотизмъ Наполеона былъ спасеніемъ изтерзанной Франціи. Быстро катилась нѣкогда и колесница Англіи въ пропасть политическую (*), но, къ

(*) Монтескье называетъ это прекраснымъ усиліемъ къ пріобрѣтенію свободы. Espr. des Lo's. T. I. Liv. III. Chap. III (*). Бѣдствія и страданія

(*) Въ Рускомъ переводѣ въ семъ мѣстѣ текстъ оригинала ослабленъ.

щастію сей Націи, благоразуміе застало ее на половинѣ дороги

человѣчества ничто въ глазахъ его и его преслѣдователей предъ обладаніемъ свободы, которую всегда похищаютъ коварные души и ежели случается ему говорить о нещастіяхъ народныхъ: то онъ смотритъ на оныя только, какъ на замѣшательства, удаляющія или приближающія къ цѣли. Онъ даже желаетъ, чтобы народъ непрестанно рѣзался за свою свободу, говоря, что тамъ нѣтъ ее, гдѣ царствуетъ тишина и спокойствіе. — Пріятно противоположить такому благородному желанію слова знаменитаго Каннинга, сказанные имъ 1824 года въ Парламентѣ по случаю предложеннаго вопроса о выступленіи Французскихъ войскъ изъ Испаніи. „Ежели бы, сказалъ онъ, спросили бы меня, долго ли войска будутъ занимать Испанію? Я бы отвѣчалъ, не знаю. Но еслибы спросили меня, должно ли ихъ вывести теперь же: то, какъ другъ человѣчества — я бы рѣшительно сказалъ — нѣтъ!“

и остановило дальнѣйшее стремленіе ея. Послѣ тиранства Кромвелева и послѣ краткаго Правленія бездушнаго сына его Ричарда, Англія съ непритворною радостію приняла Карла II и бывшія послѣ того политическія распри отноносились болѣе къ особѣ Короля, нежели къ власти его и съ того-то времяни, смѣю сказать, *Англія потому твердо обладаетъ свободою и щастіемъ, что у ней есть Король.* Усилія гордаго Шавтесбюри, угрожавшія Трону и государству не могли уже поколебать первый и ввергнуть послѣднее въ прежнія бѣдствія. И по удаленіи отъ Престола Іакова II, Англія нехотѣла опровергнуть Престолъ сей, но призвала владѣть онымъ Иностранный Домъ.

Перевѣсъ власти такую же возбуждаетъ зависть, какъ и самая власть. „Я хочу лучше

быть первымъ въ не большомъ городѣ, нежели вторымъ въ Римѣ“ говорилъ Цезарь, бывши уже военачальникомъ и знаменитымъ. Вельможею. Мучительная зависть, соединясь съ алчнымъ властолюбіемъ, недаютъ покоя ни сердцу, ни уму. То и другое оскорбляются предпочтеніемъ другихъ и еще болѣе тяготятся повѣленіями *равныхъ, повелѣніями тѣхъ, которые сами должны бы были имъ повиноваться, ежели бы были на ихъ мѣстѣ.* Столь тягостное его возбуждаетъ всѣ усилія свергнуть оное и ежели невозможно одержать совершенную побѣду: то по крайней мѣрѣ ищутъ подѣлиться равенствомъ (*). Но какъ законъ, ут-

(*) Всякому, извѣстны вѣчные раздоры, происходившіе въ Римѣ между Патриціями и народомъ изъ зависти

вердившій выборъ согражданъ покрываетъ и утверждаетъ ихъ своею силою; то противоборство не кончится одною побѣдою надъ умами и хитрость принуждена бываетъ обратиться на борьбу съ самими законами для достиженія цѣли своей. Происки между народомъ недостаточны противу силы законовъ. Сильное, могущественное дѣйствіе оныхъ можетъ быть потрясено только столько же сильнымъ и могущественнымъ противоборствомъ. Усилія одного человѣка къ тому недостаточны; надобна сильная партія, надобны сильныя мѣры для разрушенія такого дѣйствія, которому покорствуютъ, ежели не всѣ сограж-

---

жъ власти. Въ Англіи, Швеціи и Франціи Революціи представляютъ ужасные тому примѣры.

дане; то по крайней мѣрѣ самая большая часть оныхъ. И чего неупотребятъ страсти къ своему удовлетворенію? Въ борьбѣ оныхъ не внятенъ ни гласъ разума, ни укоризна совѣсти и благо людей, справедливость, истина, нравственность и добродѣтель не зазорно приносятся въ жертву.

Ежели власть, ежели перевѣсъ оной возбуждаетъ зависть между правителями: то сія же зависть свирѣпствуетъ и въ сердцахъ тѣхъ, которые, будучи удалены обстоятельствами или случаемъ отъ лестныхъ должностей, но не лишены закономъ права своего, почитаютъ себя обиженными и ищутъ удовлетворенія чрезъ то самое, что споспѣшествовало другимъ къ ихъ предъ ними возвышенію. Такъ происки во всѣхъ случаяхъ колебали Республики!

Нетвердость могущественной силы, скажу даже, *невозможность быть оной твердою въ Республикахъ*, еще далѣе простираетъ вредныя дѣйствія свои. Гордая мысль о равенствѣ дѣлаетъ людей упорными въ ихъ различныхъ видахъ и мысляхъ, производитъ раздѣленія и питаетъ въ согражданахъ несогласіе и даже вражду противъ самаго Правительства, а стыдъ показать слабость свою, уступая равному сопротивнику, доводитъ до крайности. Отъ того Республики всегда наполнены раздорами, бунтами и возмущеніями, которыя доходятъ до неповиновенія Правительству. Не говоря уже о древнихъ народахъ, Исторія прошедшаго столѣтія представила намъ разительные тому примѣры. Сколько было въ Польшѣ Федерацій противъ Правительства?

Въ Швеціи свирѣпствовали, раздирали государство партіи Шляпъ и Шапокъ и законъ не имѣлъ силы прекратить оныя. Во время Французской Революціи Ліонъ и другія области составили собственное свое Правительство и только междуусобная кровопролитная война могла прекратить споръ между гражданами и Правительствомъ. Въ Сѣверной Америкѣ Пенсильваніи и другія области не хотѣли повиноваться опредѣленіямъ Конгреса и только рѣшительныя дѣйствія умнаго Вашингтона и вооруженная сила могли предупредить дальнѣйшія бѣдствія. Бунтъ матросовъ на всѣхъ почти флотахъ, ескадрахъ и отдѣльныхъ корабляхъ (*) и возмущеніе Ирландіи въ одно и тоже время угрожали Англіи величайшими опасностями и бѣд-

(*) Въ 794 году.

ствіями. Но *Англія не боится никакихъ возмущеній, потому, что у ней есть Король!*

За всѣмъ тѣмъ все *политическое* могущество Короля Англійскаго недостаточно бываетъ къ предупрежденію таковыхъ нещастій; а потому то въ опасныхъ случаяхъ мудрая Англія рѣшается, такъ сказать, на *смерть* своей конституціи т. е. на прекращеніе силы извѣстнаго Акта: Habeas corpus.

Но какъ таковая крайность нестерпима для гордаго Республиканца: то допущеніе прекращенія сего Акта въ самыхъ очевидныхъ опасностяхъ возбуждаетъ сильное противоборство, которое между тѣмъ съ одной стороны увеличиваетъ опасность и слѣдовательно принуждаетъ къ мѣрамъ болѣе строгимъ и сильнымъ, а съ другой допускаетъ разпространяться

злу и увеличиваться нещастіямъ и бѣдствіямъ народа. Такъ недавно вся Ирландія предана была бѣдствіямъ внутреннихъ раздоровъ и соединенымъ съ оными грабежамъ, кровопролитіямъ и убійствамъ. И когда бдительное Правительство Англіи истощивъ всѣ возможныя мѣры къ прекращенію бѣдствій народа предложило о прекращеніи сказаннаго Акта: тогда ни мудрость политическихъ причинъ, ни вопль невинныхъ страдальцевъ не могли побудить гордости къ поданію скорой помощи. Болѣе года упорствовала она противу истины и человѣчества; болѣе года продолжались бѣдствія и страданія цѣлаго народа!

Никогда Монархія недопускала народы до такого нещастія; никогда Государи не взирали хладнокровно на бѣдствія сво-

ихъ подданныхъ, а имѣя въ рукахъ всѣ средства они легко предотвращали и предотвращаютъ всякую опасность, изкореняютъ зло въ самомъ его началѣ и никогда не даютъ ему разпространиться и усилиться!

Но никогда нетвердость могущественной силы въ Республикахъ неоказываетъ столь гибельныхъ послѣдствій, какъ въ опасныхъ, угрожающихъ Государству случаяхъ. Тогда Государство низвергается въ бездну отъ того самаго, что казалось столько неважнымъ въ обыкновенномъ теченіи дѣлъ. Сія гордость, сія вражда — мрачное властолюбіе, коварное честолюбіе не оставляютъ своихъ притязаній и на краю бездны. Питаясь надеждою избѣгнуть гибели стараются между тѣмъ воспользоваться разными случаями утвердить свое могуще-

сіяло и одержать верхъ надъ сопротивникомъ и повергаясь въ бездну, вмѣстѣ съ собою увлекаютъ въ оную и народъ, какъ *обреченную* жертву пагубныхъ страстей своихъ.

Когда злѣйшіе враги Карѳагена переплывали море, дабы разрушить его въ самыхъ основаніяхъ: тогда дышавшіе раздорами Ганонова и Боркина партіи думали единственно только о своихъ видахъ и предали Отечество свое въ жертву люттѣйшихъ враговъ своихъ. Благодѣтельный Геній, бодрствовавшій надъ Греческими Республиками, долго хранилъ сіи, вѣчно взаимными раздорами дышавшіе народы; но когда утомленный ихъ безразсудностію, предалъ ихъ самимъ себѣ: тогда прежнія усилія не помогли уже имъ. Они поражали милліоны Персовъ, но не могли поразить тысячу

Македонцевъ. Голландія торжествовала даже надъ могуществомъ и искуствомъ Людовика XIV; но когда Голландіи угрожала опасность внутри ея самой: тогда въ сей борьбѣ отъ междуусобныхъ раздоровъ сограждань она не могла уже устоять. Тѣже раздоры и ненависть къ послѣднему Штатгальтеру лишили наконецъ ее политическаго бытія подвергши завоеванію Французской Республики, которая во имя свободы наложила на нее ярмо, гораздо тягостнѣйшее, нежели какое нѣкогда налагали Римляне на побѣжденные народы. Простота нравовъ не защитила добродушныхъ Швейцаровъ отъ пагубныхъ раздоровъ въ минуту опасности и алчная Французская Республика неупустила воспользоваться ими, какъ и въ Голландіи.

Между тѣмъ, какъ происхо-
дитъ явная или скрытная вра-
жда между честолюбцами; ме-
жду тѣмъ, какъ хитрость и ко-
варство во мракѣ готовятъ ко-
вы и пропасти для достиженія
видовъ своихъ, Республика бро-
саетъ вѣчный пламенникъ раз-
дора между самими согражда-
ми. Сіе вѣчное несогласіе людей
между собою въ мысляхъ и чув-
ствахъ, сіи безконечныя разде-
ленія производятъ раздоры, вра-
жду, ненависть и мщеніе между
согражданами. Но тѣмъ неокан-
чивается. Сіи мелкія страсти
также требуютъ удовлетворе-
нія и, подобно вреднымъ насѣ-
комымъ, наполняютъ атмосфе-
ру несноснымъ своимъ жужжа-
ніемъ, прерываютъ тишину и
спокойствіе въ природѣ, и на-
падаютъ съ неистовствомъ на
животныхъ, обезпокоиваютъ и
терзаютъ ихъ. Въ семъ-то вѣч-

номъ разногласіи мыслей зарождаются всѣ заговоры, потрясающіе Республики. Даже домашнія обстоятельства часто имѣютъ пагубное вліяніе на государственныя дѣла въ Республикахъ. Сколько разъ Римляне въ удовольствіе женъ своихъ волновали Республику?

О! мудрая Англія! Одна только ты умѣла щастливо избѣжать всѣхъ сихъ подводныхъ камней и пропастей политическихъ, воздвигнувши Тронъ въ своей Республикѣ и такимъ образомъ, утверждаясь на семъ священномъ якорѣ, во время страшныхъ бурь и волненій вѣрно спасаетъ корабль своего государства; а увѣнчавъ Республику свою Короною ты отвратила всѣ покушенія и замыслы на твое щастіе; Скиптръ же Государя твоего служитъ отводомъ

противъ ударовъ самыхъ ужасныхъ громовъ (*)!

И такъ въ Республикахъ недостаетъ той могущественной силы, которая могла бы вѣрно противоборствовать страстямъ человѣческимъ, а потому въ ней всегда гнѣздится сія Гидра, подобно Протею, принимающая на себя различные образы и дышащая одними раздорами. Выказавшаяся глава ея, сраженная силою Геркулеса, является снова подъ другими видами и снова заражаетъ мѣсто обиталища своего духомъ раздора и бѣдствій. И такъ Рес-

---

(*) Что бы объяснить мысль мою въ раздѣленіи Трона, Скипетра и Короны, я скажу, что въ Швеціи во время ея нещастій и въ Польшѣ хотя существовалъ Тронъ, и хотя была корона на главѣ Королей, но не было скипетра въ рукахъ ихъ.

публика въ собственномъ нѣдрѣ своемъ производитъ сама для себя враговъ, опаснѣе внѣшнихъ непріятелей!

Напротивъ того Монархія твердымъ, неколебимымъ могуществомъ своимъ вѣрно хранитъ безопасность, спокойствіе и благосостояніе Государства. Въ ней неможетъ быть ни раздирающихъ Государство партій, увлекающихъ легкомысленный народъ въ ужасныя бѣдствія, ни происковъ честолюбія, возмущающихъ души и сердца гражданъ (*).

(*) Что же касается до происковъ случающихся въ Монархіи для полученія чина или должности, несоотвѣтственныхъ достоинству искателя, противъ чего столько вопіютъ знаменитые Авторы: то я не вижу здѣсь причинъ къ симъ ужаснымъ воплямъ и жалобамъ. Сіи происки ограничиваются нѣсколькими лицами и никакихъ послѣдствій имѣть не мо-

Властолюбіе неизвѣстно между подданными Монархіи. Честолюбіе должно итти трудною дорогою заслугъ (*), требуемыхъ

тутъ; ибо получившій не по достоинству чинъ или должность не можетъ далѣе иначе поступать, какъ по законамъ. О сихъ происках незнаетъ ни государство, ни народъ, даже тотъ городъ, въ которомъ они происходятъ. Объ оныхъ знаютъ только нѣсколько лицъ, которыя только или завидуютъ успѣхамъ ихъ или гнушаются оными. Но вопіющіе пропиву происковъ въ Монархіи забываютъ о происках въ Республикахъ и о гнусныхъ, гибельныхъ дѣйствіяхъ и послѣдствіяхъ оныхъ.

(*) Сія постепенность чиновъ въ Монархіи есть знакъ глубокой политики. Она отнимаетъ у легкомысленной и не опытной юности дорогу къ важнымъ достоинствамъ, отъ чего происходило столько замѣшательствъ и бѣдствій въ Республикахъ.

законами, которыхъ оно ни перемѣнитъ, ни измѣнить не можетъ. Неудача его удовлетворяется одною досадою; происки между народомъ не только не помогутъ ему противу силы законовъ, но еще обратятся на преступную главу его. Словомъ: въ Монархіи нѣтъ сихъ порывовъ бурныхъ страстей. Они утихаютъ отъ движенія Скипетра Монарха и въ душахъ и сердцахъ гражданъ занимаютъ мѣсто оныхъ одни только мирныя желанія. Пусть называютъ ето мертвою тишиною рабства! Швейцарія, *мирная*, щастливая Швейцарія будетъ намъ лучшимъ отвѣтомъ противу сей грубой, подлой клеветы на человѣчество (*)!

(*) Монтескье говоритъ: Древніе Политики твердили о нравахъ, о добродѣтели, а наши толкуютъ только о фабрикахъ, о манufактурахъ.

Древніе Философы — Платоны, Аристотели, Ксенофонты, Ѳукидиды, Плутархи, не взирая на привязанность свою къ Республиканскимъ идеямъ уважали народное спокойствіе въ Монархіи, а другіе отвращались и ненавидѣли Республиканскихъ волненій. Они смотрѣли на людей съ лучшей стороны, нежели наши Политики т. е. со стороны нравственной.

о торговлѣ. Кн. III. Гл. III. Руссо повторилъ тоже самое. *О вред. дѣйст. наукъ и худ.* Какъ же они противорѣчатъ сами себѣ!

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Отъ сей же твердости Монархическаго Правленія произтекаютъ твердыя, вѣрныя дѣйствія онаго, какъ послѣдствія отъ своего начала. Монтескье признаетъ въ томъ преимущество Монархіи предъ прочими Правленіями (*). Дѣйствіямъ онаго не могутъ препятствовать ни раздоры партій, ни упорство сильныхъ. Онѣ незамедляются ни коварствомъ хитрости, ни видами властолюбія и честолюбія, ни пристрастіемъ, ни личными выгодами, ни несогласіемъ въ мыслихъ и чувствахъ. А потому-то Монархія всегда вѣрно и успѣ-

(*) Духъ Зак. Кн. V. Гл. X.

шно достигаетъ предположенныхъ цѣлей. Все здѣсь движется изъ центра къ окружности по прямымъ радіусамъ.

Быстрота въ дѣйствіяхъ, единодушіе въ исполненіи суть важнѣйшія начала Правленія. Недостатокъ сихъ началъ, кажущійся незначительнымъ въ обыкновенномъ теченіи дѣлъ, низвергаетъ государство въ бездну при важныхъ случаяхъ, что мы выше видѣли (*).

Но и въ обыкновенномъ теченіи дѣлъ сей недостатокъ оказываетъ вредныя послѣдствія. Гордые Республиканцы столько ревнивые къ свободѣ своей, потому, что свободу сію въ Республикахъ легко похищаютъ коварные и сильные или непрестанно покушаются на оную, Республиканцы, говорю, неволь-

(*) Стр. 102 и слѣд.

ным образомъ дѣлаются подозрительными. Сія подозрительность связываетъ руки Правительству и препятствуетъ оному въ его дѣйствіяхъ. Всякое благодѣтельное намѣреніе Правительства всегда должно выдержать долговременный споръ съ противоборствомъ сограждан, различныхъ въ мыслях, чувствахъ и видахъ своихъ. Волненіе умовъ вѣчно угрожаетъ Республиканскому Правительству и оно не можетъ или не смѣетъ противоборствовать оному; а потому-то лучшія намѣренія благороднѣйшихъ мужей часто остаются втунѣ. Мудрый Солонъ не могъ ничего сдѣлать рѣшительнаго, а довольствовался только угождая всѣмъ, кой что поправить. Тщетны были усилія добродѣтельнаго Катона. Онъ возбудилъ только противъ себя и народъ и Патри-

ціевъ. Смерть была наградою благороднымъ Гракхамъ. Отъ того-то Республики часто отъ начала до конца бытія своего остаются въ одинакомъ положеніи или по крайней мѣрѣ таковыми остаются у нихъ многія важныя предметы.

Напротивъ того Монархія быстро приближается къ политическому устроенству. Это неоспоримая Историческая истина, что Европа успѣхами гражданской образованности одолжена успѣхамъ Монархическаго Правленія. Не углубляясь въ пространныя о семъ изслѣдыванія скажу только, что довольно было одного царствованія Петра Великаго, чтобы цѣлыми столѣтіями подвинуть Россію въ ея совершенствованіи. Довольно было одной Екатерины, чтобы возвести ее на первую политическую степень образованныхъ

государствъ Европейскихъ. Императоръ Александръ далъ удивительный ходъ успѣхамъ наукъ и просвѣщенія въ нашемъ Отечествѣ. Довольно было двухъ особъ — Короля Генриха и Сюлли, чтобы устроить безобразную политическую громаду Франціи и доставить ей все политическое могущество, къ которому она была способна. Какъ скоро Россійскіе Государи утвердили единодержавіе въ Россіи; то не только избавили отечество отъ терзавшихъ его столь долгое время политическихъ враговъ, но разворили и самыя гнѣздилища ихъ и тѣмъ не только избавили Россію отъ нашествія новыхъ Батыевъ и Мамаевъ, но и всю Европу отъ новыхъ Аларіковъ и Аттилъ. Между тѣмъ Поляки и въ прошедшемъ столѣтіи подвергались налету сей Политической Са-

ранчи, не могши избавиться отъ онаго по своей подозрительности къ Королевской власти.

Ежели же являются въ Республикахъ люди великіе, которые рѣшительно предпріемлютъ благодѣтельныя намѣренія: то они не могутъ иначе достигнуть цѣлей своихъ, какъ употребляя разные хитрости и обманы, и не только въ случаѣ неудачи подвергаются сами, но вмѣстѣ съ собою подвергаютъ опасности не рѣдко цѣлое Отечество. Мудрый Ликургъ, благородный Агисъ не могли приступить безъ разныхъ хитростей къ своимъ намѣреніямъ. Въ древности Оракулы всегда содѣйствовали благодѣтельнымъ намѣреніямъ великихъ людей. Ѳемистоклъ чрезъ Оракула спасъ свое Отечество. Нимфа Егерія помогала Нуммѣ Пом-

нію вселить въ сердца Римлянъ кротків, гражданскія чувства. Въ 1712 году Женевское Правительство употребило важныя хитрости и обманы для того, чтобы поправить свою Конституцію (*).

Напротивъ того Монархъ, опираясь на Государственное Постановленіе и имѣя въ рукахъ своихъ могущество власти не имѣетъ нужды въ сихъ низкихъ пособіяхъ искуства; ему не нужно ни хитростей, ни обмановъ для достиженія цѣлей блага Государственнаго. Онъ дѣйствуетъ открыто — поступаетъ благородно.

Но ни на что въ Республикахъ подозрительность не обращается болѣе, какъ на вой-

(*) De Lolme sur la Const. d'Anglet. T. I. Liv. II. Chap. 5.

ском военачальниковъ. Ибо — дѣйствительно тѣ страшнѣе всѣхъ, которые имѣютъ въ рукахъ своихъ орудіе смерти и умѣютъ легко и искусно обращаться съ оными. Таковая опасность заставляетъ Республиканцевъ всегда наблюдать надъ движеніями нѣхъ и другихъ. Но сіи же самыя наблюденія и сія подозрительность связываютъ руки военачальниковъ и производятъ величайшія разстройства и несчастія. Ежели бы вмѣсто преданнаго Отечеству Аристида другой имѣлъ его очередь начальства: то можетъ быть Греки не выиграли бы ни Марѳонскаго, ни Саламинскаго сраженій и Ксеркъ или Дарій раздавили бы Грецію пятою своею. Погибель Флота Аѳинскаго въ Сициліи произошла отъ сей же безпокойной подозрительности. Сія же самая подозрительность едва не погу-

била Рима въ войнѣ съ Аннибаломъ. Она причинила пораженія при Требіи, Тразименѣ и при Каннахъ и ежелибы Фабій не былъ отозванъ по подозрѣнію въ Римъ: то Аннибалъ возвратился бы въ Карѳагенъ съ однимъ стыдомъ, а вмѣсто имяни Великаго заслужилъ бы въ Исторіи имя безразсуднаго. „Въ Венеціи, говоритъ Робертсонъ, Сенатъ всегда избиралъ двухъ Дворянъ для слѣдованія за войскомъ, когда оно выступало въ походъ и которые подобны были военнымъ надзирателямъ, которыхъ Голландцы учредили, чтобы наблюдать за Полководцами и требовать отъ нихъ во всемъ отчета (*).“ Во время Французской Республики военные Комиссары спорами своими съ Полководцами причиняли ужаснѣй-

(*) Ист. Карл. V. Введеніе.

шія разстройства и нещастія въ Арміяхъ.

Но подданные Монархіи, щастливые подъ Правленіемъ своихъ Государей, спокойно и съ увѣренностію наслаждаются своимъ благосостояніемъ. Повѣленія Монарха принимаютъ они съ довѣренностію, какъ знакъ новаго попеченія объ ихъ щастіи. Умы ихъ немучатся подозрѣніями, сердца не возмущаются произшествіями. Несодрагаются они отъ движенія многочисленныхъ страшныхъ войскъ съ погибельными орудіями смерти и при повторяемыхъ ударахъ надъ головами ихъ они спокойно засыпаютъ (*); ибо они совершенно увѣрены, что все сіе имѣетъ предметомъ ихъ щастіе, а неопасность. Знаютъ они также, что

(*) Пусть называешь сіе мерзкою пищиною рабства!

самая малѣйшая опасность изтребится отъ одного слова, отъ одного мановенія Монарха. Сіе же могущество слова и мановенія Монарха извѣстно также и войску и военачальникамъ и никакая преступная мысль не можетъ возродиться въ душѣ тѣхъ и другихъ. Мальборугъ — сей любимецъ Фортуны и славы, опиравшійся на любовь и преданность побѣдоноснаго войска и всѣхъ народныхъ сословій Англіи, поддерживаемый уваженіемъ половины Европы—сей человѣкъ не посмѣлъ возпротивиться первому слову своей Государыни и тотчасъ сложилъ съ себя чины свои и должности. Аннибалъ, Цезарь и Дюмурье находясь и не въ столь щастливыхъ обстоятельствахъ не такъ поступили, какъ подданный Монархіи. Первый не внимая повѣленію Правительства и, смѣю ска-

зать, пользамъ Отечества, продолжалъ войну въ Италіи. Второй рѣшился лучше погубить свое Отечество, нежели повиноваться Сенату, а послѣдій, желая подражать примѣру Цезаря, ошибся въ разщетѣ и погубилъ себя. Наполеонъ разчелъ лучше его и былъ щастливѣе.

И такъ ничто въ Монархіи не можетъ препятствовать благимъ намѣреніямъ Правительства. Страсти теряютъ здѣсь пагубную свою силу; пристрастіе, предразсудки и заблужденія безмолвно уступаютъ права свои, хотя съ горестію разстаются съ ними. Но тамъ, гдѣ страсти имѣютъ свободу дѣйствовать и противодѣйствовать, тамъ предразсудки, заблужденія и пристрастные виды съ своей стороны неуступаютъ также своихъ притязаній и

удерживаютъ перевѣсъ надъ разумомъ и общею пользою. Дѣйствіе ихъ, хотя не столько опасно, какъ дѣйствіе страстей, но крайней мѣрѣ столько же упорно; а потому то вредное и гибельное обыкновеніе, вредный или унизительный законъ въ Республикахъ имѣютъ бытіе и силу свою цѣлое столѣтіе и хотя бы сама мудрость и святая истина низошли съ неба и потребовали бы отказаться отъ посрамляющихъ человѣчество обычаевъ или законовъ: то и они не имѣли бы въ томъ успѣха. Ибо тѣ, которые творятъ законы въ Республикахъ— тѣ самые находя въ томъ свои выгоды или по другимъ причинамъ вооружились бы противу ихъ и принудили бы ихъ опять возвратиться на небо. Да и какъ могутъ они согласиться съ истиною и мудростію, когда чув-

ствуютъ, что дѣйствуютъ проч-, ишивъ самихъ себя?

Но какое великое, благородное зрѣлище представляетъ Монархія, гдѣ по манов енію Государя, человѣчество стрясаетъ съ себя наросты предразсудковъ и заблужденій; гдѣ съ восторгомъ подъемлетъ оно угнѣтенную пристрастіемъ главу свою по первому гласу истины и добродѣтели!

Разсуждая о благѣ общественномъ не должно забывать о томъ, что существенно производитъ оное.

Политики, разсуждающіе о Правленіяхъ, о вліяніи ихъ на благосостояніе людей, часто забываютъ говорить о томъ самомъ, что существенно производитъ оное т. е. о законахъ. Монтескье, назвавъ свое сочиненіе духомъ законовъ, разсматриваетъ оные только въ отно-

шеніи къ разнымъ образамъ Правленія, со всѣмъ почти не говоря *о законахъ самихъ по себѣ*. Другіе писатели также мало обращаютъ вниманія на сей предметъ. Мы скажемъ нѣчто о существѣ и вліяніи ихъ на щастіе людей самихъ по себѣ и скажемъ, что хорошіе законы не смотря на образъ Правленія, на составъ Государственный могутъ доставлять людямъ истинное щастіе и въ республикахъ и въ Монархіяхъ, а въ отношеніи къ образу Правленія они будутъ только то, что законы *недѣлимаго* въ природѣ къ устройству цѣлой природы. Недѣлимое въ природѣ имѣетъ въ совершенствѣ свою сферу для своего существованія и дѣйствія, составляя часто безобразную часть въ цѣломъ. Въ Монархіи народъ образуясь въ различныхъ классахъ

для общей политической цѣли можетъ имѣть совершенныя законы для щастія каждаго гражданина. А потому каждый подданный Монархіи можетъ быть болѣе щастливъ по законамъ, нежели гражданинъ республики, что замѣтилъ Монтескье въ отношеніи къ свободѣ, что часто гражданинъ при вольномъ Правленіи бываетъ несвободенъ и напротивъ при не свободномъ бываетъ вольнымъ (*). Словомъ: дѣло въ томъ состоитъ, доставляютъ ли законы щастіе гражданину — человѣку, какъ члену такого или другаго политическаго общества? Монархія, назначивъ различныя сферы для своихъ подданныхъ, доставляетъ ли имъ все нужное для нравственно—разумнаго существованія ихъ, для ихъ ща-

(*) Кн. XII. Гл. 1.

стія? Вотъ вопросы, на которые стыдно отвѣчать въ просвѣщенной Монархіи, которой единственною цѣлію есть *благо* подданныхъ!

Но чтобы вполнѣ изобразить важность дѣйствія законовъ, надобно сказать еще, что тамъ нѣтъ законовъ, гдѣ нѣтъ точнаго исполненія оныхъ. Тщетно невинность и истина при угрожающей опасности въ простотѣ своей хватаются за сей священный якорь! Хитрость и коварство со всѣми адскими усиліями оторгаютъ ихъ отъ онаго. Тамъ, гдѣ не исполняются точно законы, гражданинъ не наслаждается вполнѣ благодѣтельными дѣйствіями оныхъ. И подлинно—что будутъ значить самые лучшіе, самые превосходнѣйшіе законы, когда неимѣютъ они силы своей, когда насиліе свободно нарушаетъ ихъ;

когда участь гражданина подвержена вліянію хитрости, коварства и корыстолюбія?„ У васъ, говорилъ Скифъ Анахарсисъ Солону, законы подобны паутинѣ, которую сильные разрываютъ и въ которой безсильные только запутываются.„

Кромѣ того непрестанная мысль объ опасности всегда мучитъ душу и сердце гражданина. Неувѣренность въ правахъ и законныхъ дѣйствіяхъ отнимаетъ у него весь духъ и всю охоту въ предпріятіяхъ его, отнимаетъ у него руки отъ обыкновенныхъ занятій, содержитъ душу его въ непрестанномъ страхѣ и опасности. Таковое состояніе тяжелѣе, мучительнѣе самаго нарушенія правъ и законовъ! Вообразите гражданина, который радуется своими видами, предпріятіями и успѣхами, какъ вдругъ мрачное

коварство подкрадывается къ нему съ своими притязаніями и въ минуту восторга уязвляетъ сердце его, полное чувствъ радости, наводитъ мрачныя тучи унынія на веселящееся лице его и хотя не все у него отнимаетъ, но въ минуту разрушаетъ все его блаженство, подобно тому, когда человѣкъ съ невиннымъ удовольствіемъ наслаждается прекраснымъ запахомъ розы, въ то самое время презрѣнное, отвратительное насѣкомое уязвляетъ его и такимъ образомъ разрушаетъ все его наслажденіе и невинное удовольствіе теряетъ уже всю свою цѣну. Ето еще не все. Гражданинъ не будучи преступникомъ по разуму законовъ дѣлается преступникомъ отъ коварства злобныхъ сограждан своихъ! Какое горестное, какое скорбное положеніе!

Вникая въ важность сказаннаго нами, слѣдуетъ еще сказать, что самые дурные законы лучше самыхъ превосходнѣйшихъ, ежели они въ точности исполняются. Ибо—какъ бы они дурны ни были, но гражданинъ, соображаясь съ оными, увѣренъ по крайней мѣрѣ, что его законные поступки и предпріятія ненарушимы и не сомнительны. Небоится онъ также ни притѣсненія сильныхъ, ни коварства хитрыхъ и совершенно увѣренъ, что его законные поступки никогда небудутъ преступленіемъ предъ закономъ.

Мудрость человѣческая всегда будетъ мудростію человѣческою и произведенія оной всегда оказываютъ на себѣ отпечатки слабости и ограниченности ума человѣческаго. Сколь-

ко бы законы ни были превосходны по цѣлямъ и намѣреніямъ своимъ, какую бы ни оказывали тонкость въ предпріемлемыхъ мѣрахъ для достиженія оныхъ; но прозорливость мудрости человѣческой не есть провидѣніе небесное, предъ которымъ глубочайшая бездна равно открыта, какъ и гладкая долина. Прозорливость ума человѣческаго, подобно горизонту зрѣнія, ограничивается слишкомъ опредѣленнымъ пространствомъ; а потому то законы ни въ Монархіяхъ, ни въ Республикахъ неизбѣжны отъ недостатковъ, которые подаютъ поводъ къ рожденію различныхъ злоупотребленій, которыми хитрость и коварство неупускаютъ пользоваться. Но Монархія имѣетъ то великое достоинство, что *можетъ безпрепятственно истреблять*

ныя съ самымъ корнемъ. Напрошивъ того въ Республикахъ люди, находящіе въ томъ свои выгоды, топчась тому возпротивятся и ежели не имѣютъ сами права къ тому т. е. участія въ Правленіи: то поспчасъ найдутъ дорогу къ сердцу и уму довольнаго числа Правителей и равномѣрно получатъ успѣхъ или обратятся съ коварнымъ воплемъ о нарушеніи Конституціи и законовъ, о злоумышленіи на то и другое.

Сіи же причины противоборствуютъ и къ достиженію хорошихъ цѣлей отъ изкорененія злоупотребленій или вредныхъ дѣйствій; ибо нѣтъ вещи, которую бы нельзя было охулить и представить въ какомъ либо дурномъ видѣ; нѣтъ и лучшей цѣли, которую бы нельзя было опорочить какимъ нибудь обра-

зомъ и чрезъ то воспрепятствовать исполненію оной.

Но Монархія легко и свободно исторгая самый корень злоупотребленія, также легко и свободно дѣйствуетъ къ поправленію, улутшенію и усовершенствованію законовъ. Такъ на пр. Россія видѣла уже нѣсколько разъ исправленіе своихъ законовъ. Великій Князь Владимiръ издалъ разные Уставы; Ярославъ Рускую правду; Великій Князь Іоаннъ III исправилъ оныя въ своемъ Уложеніи; Царь Іоаннъ Васильевичь Грозный вновь дополнилъ и исправилъ оныя въ Судебникѣ; Царь Алексѣй Михайловичь далъ полное Уложеніе, сходное съ тогдашнимъ состояніемъ Россіи. Великій Петръ поправилъ и разпространилъ всѣ части законодательства. Безсмертная Екатерина совершенно преобра-

зовала внутреннее Управленіе и усовершенствовала всѣ части Судопроизводства, словомъ: Государи Россіи свободно исправляли Законы для большаго щастія своихъ подданныхъ. Англія имѣетъ громаду законовъ, (*) но всѣ они изданы по требованію новыхъ случаевъ и едва нѣкоторые имѣли цѣлію исправленіе старыхъ, а потому то многіе законы Англіи и теперь еще дышатъ варварствомъ и невѣжествомъ прежнихъ временъ.

Сія же удобность въ исправленіи и достиженіи всѣхъ цѣлей простирается на совершенствованіе не частныхъ только законовъ, но и на весь составъ Государственный. Мы уже упомянули, что Великій Петръ и

(*) См. изполк. Англ. Зак. Блакстона. Предис.

Безсмертная Екатерина легко преобразовали внутреннее состояніе цѣлаго Государства.

Напротивъ того въ Республикахъ люди, находящіе выгоды въ злоупотребленіяхъ, пользующіеся недостатками Конституціи всѣми силами вооружаются, чтобы недопустить даже коснуться къ онымъ. Такое важное со всѣхъ сторонъ противоборство угрожаетъ великими опасностями. Потому то Англія лучше желаетъ терпѣть великія злоупотребленія и недостатки, нежели коснуться до исправленія Конституціи своей.

Сколько разъ было предлагаемо о преобразованіи Парламента, но благоразуміе отвергло таковое предложеніе не безъ важныхъ причинъ. Мудрый соглашается терпѣть меньшее зло, нежели подвергнуться опа-

сности претерпѣть большее. Причина паденія Голландіи существенно заключалась въ ея Конституціи, которая будучи сочинена въ однихъ обстоятельствахъ не могла быть исправлена при перемѣнившемся состояніи (*).

Изъ наблюденій Историческихъ видно, что недостатки въ Правленіи, незамѣтные въ обыкновенномъ теченіи дѣлъ при важныхъ случаяхъ подвергаютъ Республики величайшимъ опасностямъ или самой даже гибели, о чемъ мы уже говорили. На противъ того въ Монархіи они замѣняются властію Государя, а могущество его удаляетъ отъ государства всякія опасности, которыми угрожаютъ сіи недостатки.

(*) Смот. записки Кальяра о Голландской Революціи.

Сія же свобода въ дѣйствіяхъ Монархическаго Правленія, доставляющая оному всѣ средства къ достиженію всѣхъ лучшихъ цѣлей, даетъ ему свободу сильно содѣйствовать поданнымъ въ ихъ особенныхъ цѣляхъ, споспѣшествующихъ вмѣстѣ съ тѣмъ всеобщему благосостоянію цѣлаго государства.

Республиканская мысль о равенствѣ оскорбляется привилегіями, хотя бы благо Отечества явно чего либо требовало, хотя бы недостатокъ онаго слишкомъ былъ ощутителенъ и хотя бы выгоды явно представлялись. Въ Законахъ XII таблицъ Рима именно предписано не давать никакихъ привилегій. То же равенство существовало во время Французской Революціи. „Да погибнетъ міръ, но да существуютъ наши правила

равенства“ кричалъ Кондорсетъ и его единомышленники на улицахъ Парижскихъ! И для спасенія оныхъ кромѣ бѣдствій, призваныхъ ими на нещастное свое отечество, грозились зажечь всю Европу со всѣхъ четырехъ угловъ ея!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

И такъ Монархія имѣетъ всѣ достоинства лучшаго Правленія, неподвергаясь недостаткамъ и невыгодамъ Республиканскихъ формъ. Она быстро идетъ къ совершенству Политическому удаляя всѣ опасности отъ своихъ подданныхъ и вѣрно руководствуя ихъ къ щастію.

Но щастіе есть цѣль только политическая. Разумъ указываетъ другую, истинно возвышающую человѣка. Нравственность и добродѣтель превосходнѣе самаго щастія; потому, что они дѣлаютъ человѣка достойнымъ Неба. Монархія, сколь вѣрно и успѣшно содѣйствующая ща-

стію подданныхъ, имѣетъ совершенный перевѣсъ въ достиженіи сей велікой цѣли предъ Республіками.

Первою и послѣднею цѣлію Республіканскихъ постановленій и законовъ есть свобода. Коснуться оной значитъ коснуться и первыхъ и послѣднихъ. Гражданинъ Республики не вредя только другому воленъ дѣлать все, что ему представляется. Такъ по крайней мѣрѣ было во время Французской Республики. И такъ суевѣріе, предразсудки, заблужденія, гнусные обычаи, унижающіе человѣчество, развращеніе правовъ, уравнивающее людей съ безсмысленными животными суть вещи, неприкосновенныя даже для самой Конституціи и законовъ, *не производя противоборства и противорѣчія самимъ себѣ.* Древніе Республиканцы не пони-

мали еще сей тонкой логики и наблюдали по возможности за нравственностію граждан. Просвѣщенные Французы разполковали ето и избавили Конституцію и законы свои отъ таковаго грубаго противорѣчія самимъ себѣ, слѣдуя великому Генію Руссо, выразившему идею сію въ слѣдующихъ словахъ: ежели народъ хочетъ здѣлать зло самому себѣ; то-кто можетъ ему въ томъ воспрепятствовать т. е. пусть человѣкъ дѣлаетъ, что хочетъ, ни кто ему препятствовать недолженъ. А Монтескье рѣшительно говоритъ, что Христіанская Религія прилична только Монархіи (*) т. е. ее не надобно въ Республикахъ, потому, что налагаетъ узы на скотскія стра-

(*) Во многихъ мѣстахъ духа Законовъ.

сти человѣка. Сіюже Логику и сію Философію приняли и добродушные Швейцары, снимая колію съ Французской Революціи.

Мы будемъ говорить о человѣкѣ, какъ о существѣ, доспойномъ быть обитателемъ Неба и скажемъ, что законы и должны и могутъ вѣрно исправлять нравственность народа, утверждать въ немъ добродѣтель и тѣмъ возвышать и совершенствовать человѣчество.„ Ежели бы, говоритъ добрый, мудрый другъ Генриха IV, ежели бы я могъ дѣлать какія либо учрежденія: то я бы здѣлалъ, чтобы законы и нравы одни другимъ содѣйствовали (*).“

Quid Leges sine moribus?
Vane proficiunt!

(*) Mémoires de Sully Liv. XIX.

говоритъ древній Поетъ - Философъ (*).

Различными учрежденіями и законами, а особливо строгимъ и точнымъ исполненіемъ сихъ послѣднихъ совершенствуется нравственность и утверждается въ народѣ добродѣтель; ибо тогда нетолько боятся противозаконнаго дѣйствія, но истребляется даже самая мысль о плутовствѣ, обманѣ, и нарушеніи законовъ. На противъ того большимъ или меньшимъ не исполненіемъ оныхъ развращаются и Чиновники и народъ.

И несоглашаясь съ Логикою Французовъ мы скажемъ, что въ Республикахъ весьма трудно исправлять нравственность народа; ибо надобно коснуться тогда даже самой свободы, что

(*) Horat. Ode XXIV.

противно самымъ основаніямъ Конституціи и законовъ, которые поставляя главнѣйшею цѣлію свободу позволяютъ защищать оную противъ самаго Правительства. Въ Англіи для поддержанія и распространенія нравственности заводятся общества частными людьми; но Правительство не можетъ до того коснуться; ибо оно коснулось бы тогда самаго основанія Конституціи. Правительство ея не можетъ также коснуться до истребленія уродствующаго, искажающаго человѣчество, отвратительнаго нищенства. Оно не можетъ также коснуться къ истребленію открытаго, наглаго воровства, мошейничества, публичныхъ грабежей и разбоевъ по силѣ упомянутой причины. Даже публичные ссоры, драки, смертель-

ные кулачные поединки (*) и дуели, остатки грубыхъ, варварскихъ обычаевъ, оно истребить не смѣетъ.

Напротивъ того Монархія исправляя законы по лучшимъ цѣлямъ, доводя до возможнаго совершенства исполненіе оныхъ, можетъ вліяніемъ ихъ совершенно исправить нравственность, вселить добродѣтель въ души и сердца своихъ подданныхъ, истребляя все вредное, все служащее къ развратu. Менѣе половины протекло времени съ утвержденія въ Европѣ Монархическаго Правленія (**), нежели сколько существовала

(*) Кулачные бои, свидѣтельствовавшіе въ Германіи уничшожены еще въ 1745 году Императоромъ Максимиліаномъ.

(**) Етотъ періодъ начинается съ покоренія буйныхъ васаловъ и уничтоженія Удѣловъ.

Римская Республика, какъ Государи ея при всѣхъ политическихъ распряхъ, переворотахъ и потрясеніяхъ мудрыми учрежденіями и законами возвысили нравственность народную и еще болѣе и болѣе благородствуютъ оную; между тѣмъ, какъ Римская Республика къ концу своего существованія совершенно испортила Римлянъ. „Куда идешъ ты, говорила въ горести и отчаяніи жена Кая Гракха мужу своему? Вспомни, что Римъ теперь уже не то, что былъ прежде; добродѣтель изъ него изгнана. Одною только наглостію и насильствомъ все въ немъ дѣлается. Какую можно имѣть нынѣ надежду на силу законовъ? Можно ли уповать на правосудіе и защиту самихъ боговъ — слѣпыхъ, глухихъ и ничего дѣлать не могущихъ, Боговъ, которые попустили зло-

дѣямъ погубить добродѣтельнаго Тиверія? „О продажный городъ! говорилъ Югурта; ежели бы какой Государь имѣлъ столько злата, чтобы могъ купить тебя: то ты давно погибъ бы!“ Югурта не объ одномъ народѣ говорилъ ето. Онъ имѣлъ дѣло съ Правительствомъ. Къ концу республиканскаго существованія Римляне совершенно развратились происками, обольщеніями и подкупами. Ето произвело гнусную лѣность и народъ въ странѣ плодороднѣйшей нагло требовалъ отъ Правительства хлѣба. Самые Императоры не могли уже истребить етаго. Цицеронъ жаловался, что ни какъ не льзя было наказать того, кто имѣлъ деньги (*). Напрасно Катонъ предлагалъ законъ о истребленіи продажи голосовъ въ народныхъ

(*) Cic. in Verr. I. 5.

собраніяхъ. Мужъ добродѣтельный вооружилъ только противъ себя и народъ и Патриціевъ. „О добродѣтель! ты пустое имя! ты тѣнь, неимѣющая дѣйствія“ возкликнулъ наконецъ Брутъ, видя вездѣ одни только измѣны, коварство и злоумышленія. И ежели сіи великія злодѣянія были общими въ народѣ и Правительствѣ: то какими пороками и преступленіями небыли исполнены Римляне (*)? Своевольные Афиняне всегда дѣлали все, что хотѣли. Золото Персидское развращало ихъ политику, а золото Македонское повергло ихъ въ политическую бездну ничтожества (**). Какія горькія жалобы слышимъ мы отъ Ѳукидида и Демосѳена о

(*) Читай Исторіи послѣднихъ временъ Республики.

(**) Въ Афинахъ вошелъ въ пословицу Аристофановъ стихъ о ихъ

крайнемъ развращеніи ихъ сограждан, о послѣдней степени испорченности ихъ нравовъ, о забвеніи всѣхъ обязанностей, о холодномъ равнодушіи къ чести, славѣ и благу общему, о измѣнахъ и коварствѣ, о злоупотребленіи и грабежѣ казны общественной! (*) Въ нещастное время Шведской Аристократіи, говоритъ Като, кропкій, откровенный и неколебимо честный отъ природы нравъ Шведовъ пріобыкъ къ мздоимствамъ, пронырствамъ и возмущеніямъ (**).“ Франція въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ свободы не только совершенно испортила нравственность наро-

лихоимствѣ: *Аѳинянинъ, даже умирая, протягиваетъ руку ко взяткамъ.*

(*) Извѣстенъ поступокъ Аристида допустившаго *обыкновенное* разхищеніе казны общественной для своего оправданія.

(**) Изобр. Швеціи Ч. I. стр. 61.

да, но исказила самое человѣчество. „Развратъ разливаясь повсюду истребилъ нравственность, говоритъ Сегюръ. Злодѣйство возымѣло во всѣхъ мѣстахъ сообщниковъ, добродѣтель враговъ, невинность палачей и мучителей. Сынъ доносилъ на отца, бѣдный обвинялъ богатаго, слуга измѣнялъ господину, братъ повергалъ въ оковы брата; честный человѣкъ не смѣлъ изъявлять негодованія; чувствительная женщина таила слезы.“ Во всѣхъ клубахъ и комитетахъ, говоритъ онъ далѣе, безъ зазрѣнія совѣсти вопрошали являющихся кандидатовъ: *какое злодѣяніе они учинили, какой казни здѣлались достойными въ случаѣ Контръ-Революціи,* что было титломъ заслуги и на языкѣ сихъ варваровъ значило *приносить залоги Революціи.* „Теперь, во

Франціи, говорилъ Министръ Ролландъ въ Конвентѣ, одинъ только порокъ свободенъ и чтобъ быть сочтену преступникомъ, для сего довольно оказать одно только уваженіе добродѣтели.“

Но мнѣ укажутъ на Швейцарію, гдѣ до сихъ поръ обитаетъ народъ простой нравами, храбрый, благотворительный, врагъ роскоши, другъ трудолюбія (*).“ Я скажу смѣло, что тѣже самыя причины, которыя столько вѣковъ хранятъ щастіе сего народа отъ внутреннихъ политическихъ бурь и заставляютъ наблюдать, какъ можно болѣе тишину и спокойствіе внутри своего Отечества строгими законами; тѣже са-

---

(*) L'i habit un peuple simple, brave, bienfaisant, ami du travail, ennemi du faste. Tabl. de l'Hist. Moder. de Mechan.

мыя причины (*) сохраняли, сохраняютъ и будутъ вѣчно хранить нравственность и добродѣтель сего добродушнаго народа. Нещастное время Революціи ихъ рѣшительно подтверждаетъ мнѣніе мое.

Съ другой стороны самое натуральное состояніе Республикъ содѣйствуетъ къ разпространенію развращенія — сего сладостнаго, тонкаго яда, который непримѣтно вкрадывается въ сердце чрезъ всѣ органы чувствъ. Соблазнительные примѣры сильно привлекаютъ къ себѣ сердца тамъ, гдѣ они *свободно* показываются и гдѣ таже свобода препятствуетъ къ истребленію оныхъ. И такъ развращеніе нравовъ быстро разливается въ Республикахъ потому, что пользуется также нра-

(*) См. стр. 67.

вомъ свободы. Сія же свобода содѣйствуетъ и къ разумноженію преступленій.

И такъ Монархія вѣрно можетъ сохранить и возвысить нравственность народа; но въ Республикахъ представляются къ тому непреодолимыя преграды, и — смѣло скажу, что въ Монархіи болѣе добродѣтели и нравственности, нежели въ Республикахъ. Одно уже то, что въ ней нѣтъ ни духа раздора и ненависти партій, ни происковъ честолюбія, которые развращаютъ нравственность жертвуя истиною, справедливостію и добродѣтелію и тѣмъ подавая тысячу поводовъ къ соблазну и развращенію нравовъ доказываетъ сіе превосходство. Въ ней нѣтъ ни сего разногласія въ политическихъ мнѣніяхъ, возбуждающихъ и питающихъ взаимное отвращеніе и

ненависть между согражданами и доводящія иногда до мщенія. Въ ней не бываетъ и сего *законнаго своеволія гражданъ* и малѣйшія преступленія оныхъ не могутъ защититься *правомъ свободы*, что такъ легко въ Республикахъ.

Но мнѣ скажутъ: знаменитый Монтескье упверждаетъ, что въ Монархіи трудно быть добродѣтельнымъ. Боже мой! какъ онъ клевещетъ на родъ человѣческій! Но спросимъ знаменитаго Монтескье, что такое разумѣетъ онъ подъ имянемъ своей добродѣтели?—Это не та добродѣтель, Мм. Гг. говоритъ онъ, которую вы называете нравственною, а болѣе всего, ето никакъ не Христіанская добродѣтель (*), ко-

(*) Ч. I. Кн. III. гл. V.

торая прилична только Монархіи. Ето *высокая* добродѣтель Республиканская, въ которой воровство смѣшано съ правосудіемъ, жесточайшее рабство съ своеволіемъ, грубѣйшія чувства нищеты съ величайшею умѣренностію. Ето та высокая добродѣтель, обладая которою ненадобно быть *ни сыномъ, ни супругомъ, ни матерью, ни отцомъ*; *она презираетъ стыдливость и цѣломудріе самой невинности* (*). Народы дикіе, народы образованные! Народы варварскіе, народы просвѣщенные! внимайте сей философіи! Откажитесь отъ своихъ рабскихъ предразсудковъ! Вы нещастнѣйшія творенія въ мірѣ потому, что вы уважаете даровавшихъ вамъ жизнь и воспи-

(*) Читай его удивленіе и похвалы Ликургу и Спартѣ. Кн. IV. Гл. VI.

нывавшихъ васъ; потому что вы блюдете узы супружескія; потому что вы *освящаете* цѣломудріе невинности! Вы не понимаете того блаженнаго состоянія Французской Республики, когда защищать невиннаго отца (*), проливать слезы на могилѣ матери, брата и друга почиталось преступленіемъ и злодѣяніемъ; когда связи супружества, узы родства, союзъ дружбы считались вещами, недостойными существа разумно-свободнаго; когда насиліе не-

---

(*) Когда Генералъ Кюстинъ по ненависти враговъ своихъ былъ обвиненъ и посаженъ въ темницу: то сынъ его напечаталъ публичное защищеніе; но адское Правительство почло его преступленіемъ, схватило его и предало казни.

(**) Терроромъ Правительства от-

винности было повѣленіемъ самихъ законовъ (*)! О небо! избави насъ отъ такихъ добродѣтелей!

Но извиняя Монтескье въ томъ, что онъ слишкомъ далеко просперъ идею Республиканской своей добродѣтели, нельзя однакожъ согласится съ нимъ и въ томъ, чтобы въ Монархіи не было любви къ согражданамъ. Не ужели подданные Монархіи не люди? Не ужели они не могутъ дѣлать добро своимъ согражданамъ, помогать бѣднымъ и нещастнымъ; неужели они не могутъ быть честными людьми потому только, что они подданные Монархіи?

редѣлено было, чтобы жены и дочери Емигрантовъ, заключенныя въ темницахъ выходили за мужъ за солдатъ—Санкюлотовъ; въ противномъ случаѣ ихъ ожидала смерть. Aut civitatem, aut vitam!

Одна уже Христіанская Религія, которую онъ такъ презрительно бросаетъ въ Монархію, заставляетъ ихъ любить сограждан своихъ *болѣе самихъ себя*! Нѣтъ! Г. Монтескье, человѣкъ вопреки вашимъ софизмамъ вездѣ человѣкъ и въ Республикахъ и въ Монархіи; иначе — ежели допустить ваши парадоксы: то надобно уже будетъ согласиться и съ Руссо, который видитъ людей *людьми* только въ дикомъ состояніи — внѣ гражданскаго и политическаго общества (*); слѣдовательно ихъ нѣтъ уже не только въ Монархіяхъ, но и въ вашихъ Республикахъ!

Намъ говорятъ еще, что въ Монархіи нѣтъ любви къ Отечеству — сей гражданской доб-

---

(*) Disc. sur. l'ineg. Рѣчь о вред. слѣд. наукъ и худож. Contr. Social.

родѣтели, которая украшаетъ общество человѣческое, споспѣшествуетъ къ его усовершенствованію и что она существуетъ только въ Республикахъ. Вотъ еще новая клевета! Мы уже сказали, что человѣкъ бываетъ человѣкомъ и въ Республикахъ и въ Монархіяхъ, слѣдовательно всѣ добродѣтели, такъ какъ и пороки, сродны ему, какъ человѣку, во всякомъ образѣ Правленія. Насъ хотятъ запутать разительными примѣрами Исторіи Республикъ; но почему же пропускаютъ примѣры Исторій Монархическихъ? Но заблужденіе или коварство стараются выводить сіи послѣдніе изъ другаго начала. Боже мой! Неужели добродѣтель есть добродѣтель только по какому либо началу, по какой либо цѣли, подъ какимъ либо видомъ? Нѣтъ! Мм. Гг. добро-

дѣтель есть добродѣтель и при предразсудкахъ и въ заблужденіяхъ, скажу даже, въ самомъ суевѣріи и изувѣрствѣ. Лучшій видъ добродѣтели происходитъ только отъ лучшихъ понятій; но въ существѣ своемъ она все есть добродѣтель и ни въ какомъ образѣ Правленія не чужда сердцу человѣческому, а вмѣстѣ съ оною и любовь къ Отечеству. И такъ: или должно признаться, что добродѣтель и любовь къ Отечеству существуетъ въ Монархіи или надобно допустить, что подданные Монархіи не люди. Какія же нелѣпости говорятъ намъ знаменитые Авторы! Скоро запрепятъ они намъ любить людей, любить человѣчество, потому, что мы подданные Монархіи!

Нѣтъ, Мм. Гг. Не образъ Правленія производитъ въ сердцахъ

гражданъ любовь къ Отечеству, какъ утверждаетъ Монтескье и его послѣдователи и Панигиристы, но вѣрная защита и сильное покровительство законовъ или доставляемое ими щастіе. Когда Римляне удалялись на Авентинскую гору, когда они отказывались защищать самихъ себя и свое Отечество отъ порабощенія: тогда они не *любили* своего Отечества, хотя оно было также Республикою, какъ и послѣ того. Они не любили своего Отечества и тогда, когда бѣжали изъ онаго самые даже Патриціи отъ тиранства Децемвировъ. Неужели Французы любили свое отечество, когда тиранское Правительство не щитало ихъ людьми, а орудіемъ видовъ своихъ? Рускіе любили свое отечество, когда единодушно устремились на поле Куликово, когда во время за-

воеванія Москвы Поляками, жертвовали и дѣтьми и имѣніемъ своимъ и закладывали женъ своихъ: тогда любили они свое Отечество, хотя оно было Монархіею Неограниченною и еще неустроенною. Они любили сію неограниченную Монархію и тогда летѣли на Французовъ и слабые женщины, когда предавали пламени и дома и житницы и послѣднее имущество свое, неслушая коварныхъ, лестныхъ предложеній враговъ своихъ!

Существенная разность, которую нахожу я между добродѣтелію Республиканцовъ и подданныхъ Монархій, состоитъ въ томъ, что добродѣтели сихъ послѣднихъ не выказываюпся съ такимъ блескомъ, съ какимъ показываются добродѣтели Республиканцовъ; зато и преступленія сихъ послѣднихъ выказываются слишкомъ съ вели-

кимъ блескомъ! Но развѣ добродѣтель есть добродѣтель только по степени блеска своего? Нѣтъ! Ето такое сокровище души, цѣна котораго не зависитъ ни отъ случая, при которомъ она является, ни отъ блеска съ которымъ она показывается, ни отъ увеличиванія молвы, ее сопровождающей! Истинно благородная, добродѣтельная душа гнушается всѣми условіями, не думаетъ ни о какихъ послѣдствіяхъ. Она творитъ добро всегда и вездѣ для того только, что бы творить добро. Она творитъ его съ Ангельскимъ желаніемъ, *да не увѣстъ собственная шуйца ея, что творитъ десница*, а не съ тѣмъ, чтобы показаться съ блескомъ, чтобы обратить на себя и взоры и умы и сердчеловѣческія. Это случайныя послѣдствія, о которыхъ она не

думаетъ и которыми не занимается! Спрашиваю: возможна ли таковая добродѣтель въ Монархіи? Что бы отвѣчать на сіе спрошу еще: возможна ли таковая добродѣтель между людьми? — Что же касается до политическихъ добродѣтелей подданныхъ Монархіи: то я скажу, что весь блескъ оныхъ скрывается въ блистательности Трона, служить которому есть не раздѣльная обязанность съ служеніемъ Отечеству.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Вотъ достоинства Монархическаго Правленія! Вотъ блага, которыя доставляетъ оно подданнымъ своимъ! Тронъ его есть залогъ вѣчной безопасности граждань и вѣрное прибѣжище во всякихъ бѣдствіяхъ (*); корона есть крѣпкій щитъ противу нападеній и

(*) Только Монархическое право Мудраго, добродѣтельнаго *Густава* Ваза помогло ему низвергнуть Деспотовъ—Епископовъ, которые имѣвъ въ рукахъ своихъ всѣ сокровища Швеціи и всю почти власть въ Правленіи, поддерживаемую невѣжествомъ тогдашняго времени, употребляли оную для того только, чтобы угнетать и разорять народъ. Тоже право подало Густаву III. вѣрное средство низвергнуть тиранскую Аристократію Дворянства.

покушеній, а скипиръ могущественно ведетъ ихъ къ возможному на землѣ щастію, къ усовершенствованію нравственнаго бытія ихъ и къ самому небу!

Что скажетъ теперь гордый Республиканецъ? „Я управляю самимъ собою, говоритъ онъ.“ Нѣтъ! Ты не управляешъ самимъ собою, но тобою, такъ, какъ и мною управляютъ законы, ежели ты не захочешъ быть преступникомъ оныхъ. „Я участвую въ законодательствѣ самъ или покрайней мѣрѣ чрезъ такихъ людей, которыхъ избираю къ тому по моей волѣ.“ Но какая въ томъ нужда, самъ ли я издаю законы или чрезъ своихъ Депутатовъ или издаютъ ихъ люди, избранные высочайшею властію безъ моего согласія? Дѣло въ томъ, *хороши ли законы.*“ Я, будучи пос-

лѣдній членъ общества, равенъ величайшему изъ Полководцевъ и Дипломатовъ моего Отечества. ,,Законы моего Отечества требуютъ отъ меня уваженія Особамъ, достойнѣйшимъ меня, но сіи же самые законы защищаютъ меня отъ обидъ и притѣсненій людей знаменитыхъ.

Показавъ достоинство, важность и выгоды Монархическаго Правленія, щитаю нужнымъ разрѣшить еще нѣкоторые вопросы.

И вопервыхъ: существуетъ ли истинная свобода въ Монархіи?

Я не хочу говорить о безпредѣльной свободѣ, которой требуютъ нѣкоторые Писатели. Ета мысль, пустая сама по себѣ, потому, что не возможна, *гибельна* по своимъ по-

слѣдствіямъ, скажу, даже между самими дикими народами (*).

Истинная свобода, требуемая разумомъ и справедливостію, состоитъ въ правѣ дѣйствовать свободно столько, чтобы тѣмъ не нарушать свободы другихъ и не вредить, сколько возможно, цѣлямъ ихъ. Скажу кратко: истинная свобода есть свобода гражданская, опредѣляемая законами (**). Сею свободою наслаждается каждый подданный Монархіи и я не вижу никакихъ причинъ для Правительства препятствовать сей свободѣ.

Но насъ увѣряютъ, что нѣтъ истинной свободы въ Государствѣ безъ политической свободы.

Приближился къ сему блестя-

(*) Спиран. 30.

(**) См. Опредѣленіе свободы. стр. 31 въ замѣчаніи.

щему призраку политической свободы, возмущающей и обманывающей народы. Вникнемъ въ существенную цѣль всѣхъ сихъ жалобъ, воплей, требованій, безпокойствъ и возмущеній?

Чтобы удалить споры и произвольныя рѣшенія о семъ предметѣ, щитаю лучшимъ разрѣшить вопросъ сей Историческимъ отвѣтомъ и спрашиваю: какая была у древнихъ народовъ цѣль всѣхъ сихъ жалобъ, воплей, требованій, безпокойствъ и возмущеній и вмѣстѣ съ Исторіею отвѣчаю: защищеніе правъ своихъ. Какая же цѣль сего защищенія правъ? Щастіе. Нужно ли теперь дѣлать силлогистическія послѣдствія т. е. Ежели гражданинъ наслаждается симъ щастіемъ: то не беззаконны ли всѣ сіи безпокойства и возмущенія?

Мудрый изслѣдывая и взвѣшивая выгоды и невыгоды вещей находитъ справедливымъ отнять часть выгодъ, дабы предупредить большія невыгоды (*). онъ находитъ лучшимъ, справедливѣйшимъ отнять часть свободы, дабы полнота оной не превратилась въ *своеволіе*, дабы своеволіемъ однихъ недопустить до оскорбленій и обидъ другихъ. Отъ сего политическаго начала неотрекалась ни какая Республика. Никакая Республика недозволитъ своеволія своимъ гражданамъ, доколѣ Правительство ея не потеряло силы своей. Но мѣра таковаго пожертвованія свободы является различною въ Республикахъ и Монархіяхъ.

Истина требуетъ строгой одной справедливости, но политика, разпоряжающая правила-

(*) Стр. 12.

ми разума, смотритъ еще на послѣдствія. Иногда видитъ она, что исполненіе требованій истины ограничивается только временемъ удовлетворенія оной, не оставляя никакихъ хорошихъ дѣйствій или производя вредныя и пагубныя послѣдствія, но что пожертвованіе частію истины въ послѣдствіи принесетъ величайшія выгоды для самой истины и справедливости (*). Такъ поступаетъ въ Монархіи Правительство съ свободою своихъ подданныхъ. Оно поступаетъ въ семъ случаѣ какъ мудрый, опытный докторъ, который по глубокомысленномъ изслѣдываніи болѣзни даетъ вѣрное лѣкарство, но по благоразумной опытности уменьшаетъ мѣру онаго или ослабляетъ силу его. Онъ увѣренъ, что можетъ скоро излѣчить болѣзнь,

(*) См. политическія на числа. стр. 26.

но опасается произвести другія дурныя послѣдствія или повреждения и подвергнуть опасности новыхъ болѣзней. Напоминаю о Французской Революціи.

Еще скажу: Монархія поступаетъ съ свободою подданныхъ такъ, какъ поступаетъ съ гражданами всякое Правительство въ той части законодательства, гдѣ предполагая, что не совершеннолѣтній имѣетъ уже довольно ума, чтобы управлять собою и своимъ имѣніемъ, опасается еще незрѣлости сего ума и избавляя его отъ тягостной Опеки налагаетъ на него, хотя легчайшія, узы Попечительства, дабы онъ еще не повредилъ самому себѣ. Въ политической и гражданской Исторіи обществъ человѣческихъ никогда небыло спора противъ сихъ законовъ. Человѣку—тому существу разумному, которое и въ вещахъ

обыкновенныхъ, въ вещахъ, совершенно ему извѣстныхъ дѣлаетъ непрестанно ошибки, впадаетъ въ заблужденія и какъ самъ терпитъ отъ того различныя невыгоды, такъ и другимъ, хотя самымъ невиннымъ образомъ, наноситъ оскорбленія—такому существу разумному невозможно быть *безъ опеки законовъ и попечительства Правительства!* Онъ осужденъ на то отъ самой Природы своей!

Слѣдуетъ теперь другой вопросъ: *безмолвное повиновеніе въ Монархіи означаетъ ли рабство?*

Ежели мы примемъ здѣсь рабство политическое т. е. безмолвное повиновеніе разпоряженіямъ, учрежденіямъ и законамъ Правительства: то сіе политическое рабство равно существуетъ и въ Республикахъ

и въ Монархіяхъ и во всякомъ простомъ даже обществѣ; ибо безъ онаго не возможно существовать ни какому обществу (*).

Ежели же мы примемъ слово сіе въ собственномъ его значеніи т. е. какъ произвольное разпоряженіе участію гражданина: то я ни гдѣ не вижу его въ Европѣ, кромѣ Турціи. Вездѣ вижу законы, дающіе права гражданамъ для ихъ щастія, защищающіе ихъ отъ насилія сограждан и притѣсненія властей и чиновниковъ и удовлетворяющіе ихъ въ полнѣ за обиду и нарушеніе правъ, законы, съ которыми совершенно сообразуются сами Самодержцы.

Слѣдуетъ еще спросить: *могутъ ли быть люди щастливы безъ политической свобо-*

(*) Стр. 12.

ды? Ежели политическую свободу почитаютъ средствомъ къ щастію и ежели граждане, сколько возможно, щастливы и безъ оной: то къ чему другому послужитъ она, какъ не къ тому только, чтобы вмѣсто прежняго спокойствія, обитавшаго въ душѣ и сердцѣ нашемъ поселить вѣчныя безпокойства, подозрѣнія и страхъ отъ коварныхъ, своевольныхъ и пустыхъ полковъ о дѣлахъ Правительства; какъ не къ тому только, чтобы разстроить, разрушить наше щастіе, а можетъ быть призвать ужасныя замыслы заговоровъ, страшныя бури революцій и всѣ бѣдствія, всѣ нещастія человѣчества?

Лучшими ли дѣлаются люди отъ того, когда толкуютъ о трудныхъ дѣлахъ политическихъ? Неужели безчестныя женщины Англіи лучше пако-

выхъ же въ другихъ Государствахъ отъ того, что свободно судятъ и рядятъ по своему дѣла Правительства? Воры, мошейники и бездѣльники Англійскіе, ораторствующіе въ клубахъ своихъ о политикѣ и въ другихъ Республикахъ лучше ли воровъ, мошейниковъ и бездѣльниковъ въ Монархическихъ Государствахъ? Развѣ потому только, что искуснѣе сихъ послѣднихъ и что пользуются всею свободою къ обидамъ и разоренію своихъ сограждан (*)?

Но болѣе всего занималъ меня слѣдующій вопросъ: *живутъ ли щастливо подданные Монархіи?* Вопросъ, въ которой сливаются всѣ прочія вопросы

(*) Смотри похвалы и удивленіе тѣмъ и другимъ у Архенгольца въ его путешествіи по Англіи.

и изслѣдыванія политическія (*). Я наблюдалъ въ моемъ Отечествѣ и надъ грубымъ простымъ поселяниномъ и надъ заботливымъ промышленникомъ и надъ предпріимчивымъ купцомъ и надъ людьми, утонченно образованными, и надъ пристрастно ученными и находилъ, что они дѣйствительно живутъ щастливо въ Монархіи или могутъ быть щастливы при исполненіи своихъ желаній. Исполненіе, говорю, своихъ намѣреній и предпріятій есть одно только ихъ желаніе. Скажу еще: я наблюдалъ надъ человѣкомъ (**), который ненавидѣлъ Монархію и который кромѣ минутъ своего негодованія и припадка анти-

(*) Стр. 55.

(**) Это былъ иностранецъ, который ненавидѣлъ Монархію потому только, что она Монархія.

патіи къ имени ея жилъ щастливо, пріятно и весело и былъ всѣмъ почти доволенъ, кромѣ названія Монархическаго Правленія. Я заключилъ изъ того, что всякое благодѣтельное Правительство достойно человѣка, поелику во всякомъ Правленіи можно быть щастливымъ (*) и что названіе Правительства можетъ оскорблять только безразсудныхъ.

Еще существуетъ странное мнѣніе у нѣкоторыхъ Писателей, что Монархія стѣсняетъ будтобы дарованія и способности подданныхъ. Исторія обличаетъ ихъ въ такомъ безразсудномъ мнѣніи. Какихъ великихъ Героевъ, какихъ Геніевъ не произвела Монархія? Какихъ великихъ людей, видѣла Европа

(*) Прошу не забыть опредѣленіе щастія.

при Людовикахъ, при Фридрихѣ, при Петрѣ, при Екатеринѣ? Какимъ героямъ Республикъ древнихъ и новыхъ уступятъ безсмертный Задунайской, *Непобѣжденный* Суворовъ, знаменитый Синявинъ (*) Мудрый Кутузовъ? Даже Португалія произвела Абукерковъ, Атаидъ, Донъ-Жуанъ де Кастровъ, которые покорили ей Индію и сокровища ея, также другихъ героевъ, которые потрясли славу и могущество Магометанъ. Она приняла въ нѣдра свои безсмертнаго Колумба, презрѣннаго въ Генуѣ и завладѣла новымъ свѣтомъ. Безсмертные Литтераторы Французскіе жили при Королях. Въ самомъ Римѣ Виргилій, Горацій, Плиній, Тацитъ, Титъ-Ливій жили при Императорахъ. Римское гражданское право, сей

(*) См. Зап. Морс. Офиц. *Броше.*

Оригиналъ мудрости человѣческой, доведено до того совершенства, въ которомъ мы нынѣ его видимъ, при Императорахъ; самый лучшій періодъ онаго начался также при Императорахъ. Англійская Литература до сихъ поръ еще не достигла того совершенства, до котораго Литература Французская достигла при Людовикахъ XIV и XV. Въ Голландіи имѣли успѣхи одни только Физико-математическія науки, имѣвшія тѣсную связь съ ихъ торговлею. Швейцарія не многимъ похвалиться можетъ. Философія и всѣ почти другія науки здѣлали несравненно болѣе успѣховъ въ Германіи, нежели въ Англіи.

Приписываютъ столько похвалъ, завидуютъ столько Риму, что онъ достигъ такого величія, здѣлалъ столько страшныхъ завоеваній и утверждя-

ютъ, что сто отъ того, что онъ былъ Республикою. Я удивляюсь въ семъ случаѣ неразсудительности сихъ идолопоклонниковъ Рима и спрашиваю, почему же другія Республики, существовавшіе въ одно съ нимъ время не могли достигнуть такого же величія, но поглощены одною сею только Республикою? Почему Греческія Республики, столько славныя въ Исторіи, не могли здѣлать такихъ же завоеваній? Они могли сдѣлать сіи завоеванія только при Монархическомъ Правленіи. Меня не удивляютъ даже столько знаменитыя побѣды сихъ Республикъ надъ Персами. Я вижу здѣсь только превосходство ума человѣческаго надъ невѣжествомъ и необразованностію онаго. Я вижу Мильтіадовъ, Ѳемистоклювъ, Кимоновъ, которыхъ образованные Геніи за-

мѣняютъ недостатокъ воинскихъ силъ; вижу здѣсь борьбу ума, разсудка и искусства (*) съ необразованностію грубыхъ воинскихъ Ордъ, собираемыхъ съ полей во время похода и неудивляюсь ихъ побѣдамъ. Съ тою же мыслію смѣло переселяюсь въ Римъ и нахожу что сія алчная Республика весь Геній свой обратила преимущественно къ успѣхамъ завоеваній. Прочтите подробно описаніе ихъ воинской дисциплины и вы не удивитесь ихъ побѣдамъ надъ невѣжественными народами, которые безпорядочною толпою сражались противу устройства и порядка воинскаго; когда для вѣрной побѣды довольно было того только, чтобы выдержать первой напоръ нападенія. Нужно ли имъ

(*) Греки съ самыхъ юныхъ лѣтъ учились военнымъ экзерциціямъ.

разрушить Карѳагенъ? Посмотрите съ какими трудами и усиліями день и ночь учатся они на скамьяхъ управлять судами, дабы переплыть неизвѣстное имъ море и торжествовать воинскимъ Геніемъ своимъ въ недрѣ слабаго врага своего и разграбить его сокровища! — Еще спрашиваю почему же Швейцарія не завоевала Европы? Почему она не выступила даже далѣе первоначальныхъ предѣловъ бѣдной страны своей?

Силу, могущество и величіе Англіи и процвѣтавшей нѣкогда Голландской Республики приписываютъ образу Республиканскаго Правленія. Но чему же приписать силу, могущество и величіе славной нѣкогда Португаліи? Чему приписать силу, могущество и величіе Россіи?

Что процвѣтали нѣкогда Венеція, Генуя: по етому была

сильнѣйшею причиною собственная ихъ бѣдность. Сія же причина была основою величія и Голландской Республики. Другая же важная причина, содѣйствовавшая къ пріобрѣтенію богатства и славы упомянутыхъ Республикъ, было невѣжество окружавшихъ ихъ сосѣдей.

Мысленно возношусь я наконецъ выше земнаго горизонта и останавливаюсь надъ центромъ моего Отечества (*). Какая прекрасная картина представляется душѣ моей. Тамъ вижу пышныя Столицы, въ которыхъ зданія частныхъ людей удивляютъ меня болѣе, нежели дворцы Государей. Вижу главные города Губерній уступающія Столицамъ Царей только обширностію пространства,

(*) Et celebrare domestica facta oportet!

или занимаемаго. Съ восхищеніемъ смотрю на сіи малые города, такъ мудро центрированные между разбросанными селеніями и деревнями и гдѣ гордость поселянъ выказываетъ себя въ огромныхъ зданіяхъ. Достигши взоромъ границъ моего Отечества вижу Океаны, бурными валами своими его омывающіе. Не воинскія ли то флоты Аѳинянъ и Римлянъ устремляются на раззореніе своихъ сосѣдей? Нѣтъ! То мирные флоты моихъ сограждан сражаются съ бурями и вихрями Океановъ, чтобы доставить народамъ чуждымъ изобиліе благословенныхъ Природою странъ своихъ и въ замѣнъ онаго и въ награду трудовъ своихъ получить мздовоздаяніе и повергнуть его предъ Отечествомъ въ благодарность за покровительство и средства, имъ до-

ставляемые. Между тѣмъ медленно текутъ воды изъ нѣдръ онаго и наполняютъ воды Океановъ. На ровномъ и спокойномъ хребтѣ ихъ вижу длинныя вереницы судовъ, лѣтающія на крыльяхъ въ верхъ и внизъ водъ сихъ и разсыпающія по неизмѣримому пространству дары природы, искуства и художествъ. Обозрѣвая сіе неизмѣримое пространство, повсюду покрытое богатыми классами, вижу поселянъ съ радостными пѣснями веселящихся за работами своими. Не праздникъ ли то въ честь Цереры? Не здѣсь ли имѣетъ престолъ свой сія благодѣтельная Богиня? Не ето ли любимая страна ея столь роскошно надѣленная ея дарами? Слышу не хитрые звуки свирѣли, разливающіе веселіе въ благорастворенномъ воздухѣ; вижу тучныя стада,

разсыпанныя по всему неизмѣримому пространству и удивляюсь многочисленности и богатству оныхъ. Не щастливая ли то Аркадія или сами Паны обитаютъ и заботятся о дарахъ своихъ въ сей благословенной странѣ. Конечно и Помона полюбила сію страну щастія, въ которой прелестные дары ея такъ пышно гордятся на всемъ пространствѣ. Такъ по етому въ сей щастливой странѣ обитаютъ всѣ Боги, сей благодѣющіе. Такъ! Спокойствіе, тишина, изобиліе, богатство, веселіе и радости въ томъ меня увѣряютъ. — Но что за страшные громы нарушаютъ сіе спокойствіе и тишину? Что ето за движеніе многочисленныхъ, страшныхъ войскъ? Не Цезарь ли съ такою быстротою стремится за Рубиконъ разрушить сіи радости и бла-

женство? Не Силла ли и Марій, не Антоній ли и Октавій спорятъ о гнусной чести, кому изъ нихъ погубить свое Отечество? Нѣтъ! то страшные сыны Марса, то чудо-богатыри учатся необходимому, хотя смертоносному искусству защищать свое Отечество, хранить его спокойствіе отъ коварныхъ замысловъ, блюсти его могущество и славу! Нѣтъ! непрерывается веселіе Пастуховъ отъ страшнаго блеска оружія, отъ ударовъ смертоносныхъ орудій! Не бѣгутъ они своего Отечества, неоставляютъ они полей своихъ. Нѣтъ не слышно ни гдѣ горестнаго вопля:

Nos Patriae fines et dulcia linquimus arva;
Nos Patriam fugimus (*)...

(*) Virgil. — Ecloga: Tityr. Melib. -

А ето что за пріятная пестрота одѣяній поражаетъ взоры мои? Какъ? тысяча народовъ, различныхъ характеромъ, обычаями, Религіею, образомъ мыслей своихъ спокойно и щастливо обитаютъ цѣлыя столѣтія, между тѣмъ, какъ двѣ небольшія Республики или лучше сказать два уѣзда Греціи не могли и пяти лѣтъ пробыть въ мирѣ между собою и вѣчною дышали ненавистію! Какъ? Идолопоклонникъ, Музульманинъ и Христіанинъ, Католикъ и Лютеранинъ дружески обнимаютъ другъ друга! какъ? Люди забываютъ различіе вѣръ и мнѣній, за которыя столько произходило ужасныхъ раздоровъ, столько пролито крови человѣческой, столько учинено злодѣяній и въ Швейцаріи и въ Голландіи и въ Англіи! Какъ? Вольный Англичанинъ вступилъ въ

вѣчное подданство Самодержавнаго Государя, между тѣмъ, какъ и изъ Республикъ бѣгали отъ своего Правительства! Гордый Республиканецъ благословляетъ неограниченную Монархію!

Объемля наконецъ общимъ взглядомъ состояніе Республикъ и Монархій, нахожу, что Республика есть прелестная долина, украшенная не хитрою рукою природы, на которой восхитительные виды, обворожая взоры, скрываютъ за горизонтомъ зрѣнія страшныя скалы и стремнины и гдѣ между цвѣтами и растѣніями обитаютъ опасныя животныя и вредныя насѣкомыя, а подъ пріятною зеленью скрываются топи и трясины. — Монархія же есть прекрасный садъ, гдѣ богатою

и искусною рукою хозяина соединены всѣ удовольствія въ разнообразныхъ видахъ по приличнымъ мѣстамъ гдѣ встрѣчаете вы и обворожительные виды искуства и дикія картины природы и плѣнительную простоту необработанности и откуда удалены всѣ опасности для человѣка. Ежели переходя съ долины въ сей искуственный садъ раждается непріятная мысль, что всѣ сіи удовольствія мы какъ бы принужденно поручаемъ; за то замѣняется безпокойство которое безпрестанно превожило насъ на долинѣ отъ опасныхъ животныхъ, вредныхъ насѣкомыхъ и тлѣній. Здѣсь уже мы не боимся сбиться съ пути нашего и заблудиться; вездѣ открытая дорога, вѣрно насъ ведущая; вездѣ находимъ пріятную сень отъ палящаго зноя, и безопас-

ное убѣжище отъ нечаянныхъ перемѣнъ Атмосферы даже среди глухой ночи. Небоимся мы также и обманчивыхъ огней. И такъ здѣсь наслажденія вѣрнѣе. Мысль объ опасности не нарушаетъ оныхъ.

Но сіи сравненія не могутъ быть достаточны. Природа физическая, покоряясь законамъ непремѣннымъ не можетъ точно изобразить природы человѣческой, гдѣ страсти и тогда въ вѣчномъ волненіи, сраженіи и противоборствѣ, когда въ душѣ одного и того же человѣка царствуетъ тишина и спокойствіе.

Скажу еще: Монархія есть великое народное семейство единодушія, дружества, любви, мира и щастія; гдѣ нѣтъ ни зависти, ни ненависти, ни вражды, ни раздоровъ; гдѣ обита-

ешъ щастливая увѣренность въ безопасности и благоденствіи. Сіи святыя чувства становятся врожденными въ душѣ подданныхъ Монархіи и простираются за предѣлы Отечества. Такъ! Ежели бы въ Европѣ существовали одни только Республики: то миръ и спокойствіе никогда бы не были удѣломъ ея (*)!

(*) „Монархіи могутъ забыть нанесенныя обиды, говоритъ Мабли; ибо Государь сообщаетъ свой характеръ народу, а онъ можетъ не быть *мстительнымъ*, честолюбивымъ, завистливымъ. Но въ Республикахъ какой Правитель можетъ воспрепятствовать стремленію народнаго мнѣнія и отвратить оное?“ А потому мы видимъ изъ Исторіи, что Государства Монархическія, воевавшія между собою, дѣлаются искренними союзниками и друзьями. Всѣ Греч. Республики и среди мира и въ са-

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Безопасность, спокойствіе и благосостояніе Государства въ Монархіи обезпечиваются наслѣдствомъ Престола. Замыслы честолюбія, издыхающіе при подножіи Трона возраждаются при гробѣ обладавшаго онымъ, ежели Государственное постановленіе не утвердило онаго въ Династіи умирающаго. Воспламеняются надежды властолюбія, возгараются распри претендующихъ и Государство подвергается опасностямъ и бѣд-

---

момъ даже союзъ вѣчно дышали ненавистію и раздорами. Надобно разрушить Карѳагенъ, кричалъ Катонъ вставая отъ сна и отходя ко сну. Ненависть Американцовъ къ Англичанамъ и теперь еще существуетъ какъ въ народѣ, такъ и въ самомъ Правительствѣ.

ствіямъ. Блескъ Короны обольстительнѣе Лиговъ Консульскихъ, Трибунала Преторскаго и Тоги Сенаторской. Онъ равно мучитъ завистію и пышнаго Вельможу и строгаго Солдата и грубаго раба, ежели не постановлены твердыя преграды ихъ желанію и если они могутъ надѣяться получить Корону, какъ въ Римской Имперіи. Дерзость и удача суть одни только достоинства въ семъ случаѣ.

Великая цѣль требуетъ великихъ усилій къ достиженію оной. Для полученія Короны, покрывающей цѣлое Государство надобно потрясти цѣлое Государство; ибо только отъ таковаго движенія она можетъ низпасть съ высоты своей въ руки алчности. И чего пожалѣетъ для своего удовлетворенія Властолюбіе — страсть мрач-

ная, ненасытимая, дабы достигнуть верха блаженства человѣческаго „гдѣ смертный пользуется какъ бы Божественными правами (*). Справедливость, истина, нравственность и добродѣтель суть ступени, которыя должно попирать ногами, дабы дойти до сей цѣли; хитрость, коварство, насилія и убійства ускоряютъ ходъ къ оной. „Время избранія Государя, говоритъ Гиббонъ, есть время, преисполненное зла и опасностей (**).“

Претендатель Короны не есть единственный рушитель благосостоянія народнаго. Его соперники, доброжелатели и недоброжелатели не даромъ усту-

---

(*) Ист. Госуд. Россій. Том. X. Гл. II.

(**) Hist. de la decad. et de la Chûte de l'Empire Rom. Tom. I. Chap. III.

паютъ ему сію драгоцѣнность. Государственное благо всегда должно отвѣтствовать за его честолюбіе.

Но временемъ избранія не оканчиваются еще нещастія народа. Купленная расирями или златомъ Корона раждаетъ въ сердцѣ посящаго оную ненависть и мщеніе къ своимъ соперникамъ и недоброжелателямъ или принуждаетъ его думать о вознагражденіи потерь своихъ. Pacta conventa (*), непрестанно представляемыя предъ глаза его, возбуждаютъ первыя и напоминаютъ о послѣднихъ; и заставляя его скрытно для

(*) При избраніи Короля въ польшѣ всегда предлагались Кандидатамъ разныя условія, которыя и назывались pacta conventa. Кромѣ того, что сіи pacta conventa тягостныя были для Короля и не совсѣмъ выгодны

того дѣйствовать отнимаютъ у него охоту заботиться о благѣ Государства. Рѣдкая душа забываетъ о благѣ своемъ для блага другихъ. Рѣдкое сердце можетъ мѣнять свои выгоды на выгоды чуждыя.

Погашенный пожаръ еще таитъ подъ пепломъ своимъ губительныя искры. Дуновеніе вѣтра снова воспламеняетъ оные. Зависть и ненависть, умолкнувшіе на время отъ добровольнаго или насильно исторгнутаго общаго согласія при первомъ случаѣ объявляютъ свои притязанія. Одержавшая коварствомъ или насиліемъ верхъ партія подаетъ опасной при-

---

для цѣлаго Государства, а только полезны одному Дворянству, къ нимъ присоединялись еще тайныя условія, въ которыхъ избиравшая партія не забывала и себя.

мѣръ дѣйствовать такими же средствами и противной партіи. Замыслы снова возраждаются и Государство снова подвергается опасностямъ и бѣдствіямъ. Рѣдкое избраніе Римскаго Императора сопровождалось спокойнымъ царствованіемъ. Чаще всего случалось, что избранный Императоръ долженъ былъ оружіемъ низлагать новыхъ Императоровъ, избранныхъ для одной и тойже Имперіи, дабы самому въ ней царствовать. Въ Германіи и Польшѣ также не рѣдко ето случалось.

А какъ въ такихъ случаяхъ мечь есть ultima ratio juris (*): то право избранія и утверждается преимущество въ рукахъ, умѣющихъ владѣть симъ доказатель-

(*) Послѣднее доказательство Права.

ствомъ. Въ избирательныхъ Государствахъ, ежели войско не всегда разполагало короною, ежели не всегда продавало съ Аукціону Имперію: то всегда рѣшало судьбу Претендентовъ. Но какъ Государство имѣетъ не одинъ лагерь, какъ воины не всѣ одинакихъ мыслей, какъ каждый изъ Кандидатовъ Престола употребляетъ съ своей стороны всѣ средства усилить свою партію и выиграть предъ противною и какъ наконецъ справедливость, человѣколюбіе и мудрость политическая суть вещи мало свѣдомыя воинамъ, (*) то Государство всегда подвергается ужаснѣйшимъ страданіямъ и бѣдствіямъ отъ собственнаго своего войска, которое всегда играло его законами. Рим-

(*) „И что такое былъ Римской Императорь, какъ не Министръ на-

ская Имперія была обширное зрѣлище самыхъ ужаснѣйшихъ смятеній, неустройствъ и безначалія. Кровавыя сцены опой много разъ повторялись на горизонтѣ Германіи. „Ежели столь многія тысячи голосовъ не могутъ согласиться при избраніи Короля въ Польшѣ, говоритъ Шлецеръ (*), ежели вдругъ избраны и объявлены бываютъ два Короля, что нѣсколько разъ случалось, и одна партія ни совѣтами, ни прозьбами не можетъ склонить другую на свою сторону: то партіи раздѣляются для кровопролитія. Сила

сильственнаго Правленія, избранный для особенной пользы воиновъ?“ Монтескье о паденіи Рим. Импер. Гл. XVI.

(*) Въ польшѣ для избранія Короля собиралось до 80 и до 100,000 Избирателей.

и побѣда полагаютъ конецъ избранію и оружіе должно исправлять неустройство Польскихъ Государственныхъ Уставовъ. Не смотря однакожъ на взаимныя распри поспѣшаютъ коронованіемъ, объявляютъ другъ друга врагами Отечества, собираютъ войска, просятъ помощи у иностранныхъ Державъ, даютъ сраженія и сіе продолжается до тѣхъ поръ, пока побѣдитель уличитъ противную сторону *оружіемъ*, что она безразсудно избрала своего Кандидата (*).

Умъ человѣческій, бѣдный, ограниченный умъ человѣческій, брошенный на произволъ случая, увлекаемый теченіемъ обстоятельствъ и произшествій, обуреваемый страстями, мед-

(*) О избран. Кор. въ Поль. Ч. II. Гл. I. §. 29.

ленно идетъ къ своему совершенству; только бѣдствіями научается онъ истинѣ, для него спасительной!

Во всѣхъ почти странахъ Европы въ прежнія времена всѣ почти Монархіи были избирательныя. Но бѣдствія, терзавшія народы во время избранія, заставили ихъ явно или безмолвно согласится на перемѣну онаго въ Наслѣдственное. Только гордыя Паны Польскіе, тиранствовавшіе въ своихъ Улусахъ, не хотѣли согласиться на такое политическое благоразуміе и въ прошедшемъ столѣтіи. Одебѣлелыя сердца ихъ не доступны были воплямъ и бѣдствіямъ народа; въ грубыя души ихъ не проникалъ свѣтъ разума и гласъ человѣчества (*).

(*) Нѣсколько разъ истинные сыны Польши въ сочиненіяхъ своихъ

Римскіе Императоры не думавши еще утвердить права наслѣдства въ своей фамиліи, рѣшились прекратить бѣдствія народовъ и начали присоединять къ правленію своему Августовъ и Консуловъ, которые и поступали по смерти ихъ на Престолъ Имперіи, и такимъ образомъ мало по малу дошли до утвержденія наслѣдственнаго права Престола, а тѣмъ обезпечили спокойствіе Имперіи и прекратили ужаснѣйшія страданія оной, бывшія при избраніи. „Съ того времени, какъ Феодальное правленіе распространилось, тьму и неизвѣстность въ разсужденіи порядка наслѣдованія Престоломъ, Европа не-

---

приносили горчайшія жалобы на избраніе и умоляли своихъ согражданъ о перемѣнѣ онаго въ наслѣдственное.

престанно подвергалась кровопролитіямъ отъ сей бѣдственной неизвѣстности: кому „долженъ принадлежать Престолъ (*)?“ Избраніе Германскаго Императора въ первыя времена производилось съ великими смятеніями и бедствіями; потомъ мало по малу удалены были отъ того вольные города и мѣлкія владѣтели, а наконецъ ограничено было только семью Курфирстами, отъ чего болѣе и болѣе уменшались бѣдствія избранія. Въ послѣдній разъ Германія обагрилась кровію за избраніе Курфирста Баварскаго при Маріи Терезіи. Избраніе Леопольда и Франца несопровождалось уже болѣе никакими нещастіями (**). За двѣсти лѣтъ на-

(*) Исп. Мил. Ч. VIII.

(**) Надобно однакожъ замѣтить, что тому были другія причины.

задъ Данія имѣла также избирательную Корону; но бѣдствія при избраніи, а особливо коварство Дворянства, пользовавшагося правомъ избранія къ униженію Королевской власти и разпространившаго права свои до тиранской Аристократіи, заставило Датчанъ вручить неограниченную власть, а вмѣстѣ съ тѣмъ и наслѣдственное право Королю своему. Признательность Шведовъ къ мудрости и добродѣтелямъ Густава Вазы утвердила въ Отечествѣ ихъ наслѣдственное право Королевской фамиліи и съ того времени Швеція не подвергалась болѣе бѣдствіямъ избранія. „Естьли бы, говоритъ Шлецеръ, иностранныя Державы не принимали участія въ избраніи Короля Польскаго; естьли бы они вооруженною рукою не склоняли Поляковъ быть одного мнѣнія: то

Польша ни когда бы не кончила избранія Короля и гибла бы всегда отъ внутреннихъ несогласій (*).“

„Строго изслѣдывая и разсуждая здраво, говоритъ Гиббонъ, мы всегда будемъ почитать спасительное обыкновеніе, установляющее право наслѣдія независимымъ отъ страстей человѣческихъ и охотно согласимся на всякое средство, лишающее народъ опаснаго и поистинѣ сумысленнаго права дать самому себѣ Государя.

„Въ уединеніи кабинета легко выдумывать мнимые образцы Правленія, въ которыхъ скиптръ вручается наидостойнѣйшему будтобы свободнымъ и справедливымъ голосомъ народа. Опытъ опровергаетъ сіи воздуш-

(*) Тамъ же Ч. I. Гл. I. § 13.

ные замки, показывая намъ, что въ большомъ обществѣ избраніе Монарха никогда не упадаетъ на мудрѣйшую часть народа (*).“

Но мудрое политическое постановленіе о наслѣдствѣ бываетъ не кончено, если не утверждено оное правомъ первородства. Постановленіе о наслѣдствѣ удаляетъ замыслы властолюбія и честолюбія; право первородства оканчиваетъ разногласіе въ самой владѣющей Фамиліи.

„Щастливы тѣ Государства, говоритъ почтенный Шлецеръ, которыхъ Правители никогда не умираютъ, гдѣ при кончинѣ Государя уже извѣстенъ наслѣдникъ Престола, гдѣ мудрый порядокъ наслѣдства назначаетъ

(*) Ibid. Chap. VIII.

навѣки Правителей Государству, гдѣ скончавающійся подаетъ руку живому съ твердою надеждою мира и спокойствія Отечеству, гдѣ послѣдній вздохъ умирающаго есть законный гласъ Преемника Престола! Тамъ Государственное тѣло ни на минуту не бываетъ безъ главы, законы безъ исполнителя, Отечество безъ защитника! О вы, темные философы, блуждающіе въ мірахъ Платоновыхъ и требующіе съ неистовствомъ одной вольности, продолжаетъ онъ, подите въ Польшу въ то время, когда она не имѣетъ Короля и научитесь тамъ, что Монархи суть драгоцѣннѣйшій даръ небесъ! Они необходимы роду человѣческому (*)! Но что вы не сказалъ намъ ничего, мужъ почтенный, о Французской Ре-

(*) Тамъ же Ч. I. Гл. II.

волюціи? Можетъ быть ужасы оной привели въ оцепененіе свѣтлый умъ твой, гнушавшійся порокомъ и злодѣяніемъ, стѣснили сердце твое, бившееся для истины и добродѣтели и слово замерло на устахъ твоихъ!

ОТРЫВОКЪ

ИЗЪ ПОЛИТИЧЕСКАГО РАЗГОВОРА.

„Вы осуждаете родъ человѣческій къ участи безсмысленныхъ животныхъ, сказалъ Д.“

А вы, какъ кажется, видите въ людяхъ однихъ только Ангеловъ, отвѣчалъ N.

„Ни того, ни другаго. Но человѣкъ есть *разумное* существо и тотъ обижаетъ человѣчество и Творца его, кто отнимаетъ у него сіе достоинство.“

Я вмѣстѣ съ вами свято его уважаю. Но, М. г. надобно вещи брать въ настоящемъ ихъ видѣ, а не такъ, каковы бы они

должны быть. Человѣкъ можетъ быть Ангеломъ и безсмысленнымъ животнымъ. Не правда ли?

„Но въ немъ [illegible] обитаетъ искра Божества, какая въ Ангелѣ человѣчества, а потому подавлять сію искру или препятствовать ей превратиться въ чистѣйшій пламень противно разуму.“

Я съ вами и въ семъ совершенно согласенъ. Но, М. г. искра, которая въ солнцѣ освѣщаетъ, согрѣваетъ и оживляетъ всю вселенную, которая посредствомъ искусства человѣческаго созидаетъ города, водворяетъ въ нихъ блаженство и радости, соединяетъ отдаленныя страны и народы для взаимнаго ихъ блага, таже самая искра въ рукахъ младенца причиняетъ нещастіе цѣлому семейству и гибель ему самому; таже самая искра въ рукахъ

злодѣя превращаетъ въ пепелъ труды и искуства человѣческія, приноситъ гибель цѣлымъ народамъ.

„Такъ потому, что человѣкъ дѣлаетъ злоупотребленіе изъ своего разума, надобно подавить оный?“

Ваше заключеніе никакъ не слѣдуетъ изъ сказанныхъ мною словъ. Ретиваго коня, стремящагося разбить влачимую имъ тягость, въ которой заключаются богатства хозяина, не убиваютъ, но приводятъ только въ такое положеніе, чтобы онъ не причиняя вреда достигалъ цѣли.

„Прекрасное сравненіе!“

Я сравниваю сіи вещи не въ существѣ ихъ, но въ производимыхъ ими дѣйствіяхъ. Дайте людямъ *совершенную* свободу и вы увидите повсюду грабежи, разбои, пожары и убійства. То-

гда низпровергнутся всѣ основанія обществъ; тогда разорвутся всѣ связи человѣчества, словомъ: вы увидите вѣкъ такого варварства, какого никогда небыло въ вѣкахъ человѣчества. Время Французской революціи есть только слабая тѣнь такого вѣка; ибо во время оной всегда была такая или другая узда, удерживавшая страсти человѣческія въ какихъ нибудь предѣлахъ.

„Я не говорю о совершенной свободѣ. Ета идея можетъ родиться только въ головѣ безумнаго. Но М. г. дать надлежащую свободу повѣлеваетъ разумъ.“

Въ чемъ вы полагаете *надлежащую* свободу?

„Въ томъ, чтобы свободно дѣлать то, что не противно общественному благу, свободно мыслить и свободно излагать

мысли свои, безъ чего не можетъ нигдѣ существовать свобода перваго рода или что одно и тоже: безъ чего не можетъ быть *истинной свободы.*“

Свобода перваго рода находится во всѣхъ благоустроенныхъ Государствахъ въ большей или меньшей мѣрѣ по *состоянію* каждаго изъ нихъ. Да и какая выгода Правительству препятствовать благосостоянію и щастію своихъ подданныхъ и мѣшать ихъ дѣйствіямъ къ усовершенствованію онаго? Но свобода втораго рода или, какъ вы говорите, истинная свобода есть источникъ вѣчныхъ революцій. Позвольте только сію свободу *во всѣй полнотѣ* и всякой, почитая себя политикомъ, начнетъ предлагать планы къ преобразованію *по своему* существующаго порядка вещей. Сколько головъ,

сколько умовъ, сколько сердецъ, сколько желаній. Но вы и по теоріи и по опытамъ знаете, что у всякаго свой умъ и у всякаго свое желаніе. Какой же бы хаосъ произошелъ изъ этаго? Или истребите всѣ страсти и заблужденія или не давайте имъ свободы.

„Повторяю вамъ, что я не говорю о совершенной свободѣ, но о благоразумной, умѣренной свободѣ.“

Давши свободу дѣйствіямъ гражданина Правительство полагаетъ границы оной тамъ, гдѣ она можетъ причинить вредъ другому, и ето не такъ трудно увидѣть каждому и всякой на ето соглашается. Но М. г. въ мірѣ умственномъ, въ етомъ безпредѣльномъ царствѣ мыслей нѣтъ ни одного понятія, такъ опредѣленнаго, какъ предметы фи-

зическія. Уже болѣе двухъ тысячь лѣтъ протекло, какъ умъ человѣческій работаетъ въ сей лабораторіи. Мы имѣемъ много важныхъ сочиненій древнихъ и безчисленное множество новыхъ, болѣе или менѣе достойныхъ уваженія. Возмите, какую хотите, идею нравственную или умственную и вы найдете въ древнихъ и новыхъ книгахъ тысячу различныхъ доказательствъ оной и столько же опроверженій, словомъ: вы будете окружены тысячею противорѣчій объ одномъ и томъ же предметѣ — вы будете находиться въ хаосѣ (*). Замѣтьте при томъ, что сіи достойные Писатели,

---

(*) Римскій писатель Варронъ насчиталъ въ свое время уже двѣсти различныхъ мнѣній о щастіи. Сколько же можно насчитать ихъ до настоящаго времени?

я не говорю о тѣхъ сочинителяхъ, которые писали одержимы болѣзнію Авторства; но сіи достойные писатели были такіе люди, которые при отличныхъ дарованіяхъ пользовались еще произведеніями великихъ умовъ своихъ предшественниковъ и современниковъ и опытами цѣлыхъ вѣковъ и при томъ нежалѣли трудовъ въ своихъ изслѣдываніяхъ. Послѣ сего, что должно думать о странѣ умспівенной? Ето безпредѣльная сфера, коей центра до сихъ поръ еще не отыскано. Что же должно думать о тѣхъ умахъ, которые въ етомъ безпредѣльномъ царствѣ занимаютъ малѣйшую, незамѣтную точку?

„По этому должно совсѣмъ отказаться отъ благороднѣйшихъ занятій человѣчества — умственныхъ изслѣдываній.“

Совсѣмъ нѣтъ. Но дѣло въ томъ состоитъ, *кто можетъ заниматься сими изслѣдываніями*. Возмемъ для примѣра земледѣльца, которому послѣ прудовъ его достаетъ довольно времени для чтенія физическихъ и химическихъ книгъ. Много ли онъ пойметъ въ оныхъ; сколько найдетъ онъ въ нихъ противорѣчій своему понятію о природѣ; не назоветъ ли онъ ихъ безумными потому, что въ оныхъ есть насмѣшки надъ колдовствомъ и чародѣйствомъ и безбожными потому, что въ нихъ упоминается о громѣ и молніи, какъ о простыхъ явленіяхъ природы, а не какъ о непосредственномъ дѣйствіи Всемогущаго? Я говорю здѣсь не о систематическихъ сочиненіяхъ Физики и Химіи, гдѣ все доказывается опытами, которые земледѣлецъ, хотя и не по-

нимаетъ, можетъ принять по крайней мѣрѣ за возможныя, но о простыхъ разсужденіяхъ о предметахъ природы, гдѣ о доказательствахъ или совсѣмъ не упоминается, какъ о извѣстныхъ или дѣлаются одни только ссылки на оныя. Такія книги онъ опредѣлитъ къ сожженію и сочинителей ихъ наградитъ проклятіемъ или начнетъ умствовать такъ нелѣпо, что человѣкъ свѣдущій въ сказанныхъ предметахъ необходимо долженъ будетъ почесть его сумазбродомъ вмѣсто прежней мысли объ одномъ только его невѣжествѣ, которое однакожъ совсѣмъ не приноситъ безчестія земледѣльцу и не разрушаетъ его щастія.

„Мил. гос. предметы Физики и Химіи для земледѣльца и предметы гражданской жизни для

гражданина — признаюсь, чувствую чрезвычайную разность.“

Существенная разница будетъ состоять въ томъ, что земледѣлецъ оставитъ сіи предметы, почитая ихъ для себя трудными или съ другимъ какимъ либо понятіемъ объ оныхъ. Но всякой гражданинъ почитаетъ себя въ правѣ разсуждать о предметахъ политики потому, что онъ членъ политическаго общества.

„Ето даетъ ему неоспоримое право.“

Точно такое же, какъ и земледѣльцу потому, что онъ обитаетъ среди физической природы.

„Причины физическихъ явленій скрыты для простаго глаза; но политическое состояніе общества всякой можетъ ясно разумѣть, лишъ бы имѣлъ нѣсколько разсудка.“

Политическое состояніе общества кажется вамъ простымъ потому, что вы, можетъ быть, половину жизни своей употребили на его изслѣдываніе. Разсмотрите же большую часть народа, ежели не весь народъ, изключая нѣсколько благоразумныхъ, разсудительныхъ людей, въ отношеніи къ тому, чего стоило вамъ дойти до того, чтобы требовать умѣренной и при томъ благоразумной свободы, какъ вы говорите.

Политическое состояніе общества есть также весьма тонкое, какъ и физическое состояніе природы; сверхъ того каждая часть онаго, я уже не говорю о цѣломъ, есть еще весьма *многосложная*, что рѣдко находится въ явленіяхъ природы.

Мы родимся въ обществѣ уже образованномъ, устроенномъ гражданскомъ. Прежде, нежели

начинаемъ понимать себя и окружающіе насъ предметы, сіе общество утвердилось уже въ своемъ основаніи и въ своихъ дѣйствіяхъ. Прежде, нежели обратимъ испытующій взоръ свой на устройство онаго, мы видимъ, что уже цѣлое общество сограждан наших охотно покаряется утвержденному въ немъ порядку. И такъ, чтобы судить правильно объ оном, намъ нужно знать, какъ началось образованіе сего общества, какимъ образомъ измѣнялось оно въ ходѣ своемъ со стороны нравственной, умственной и физической; какія были истинныя тому причины по всѣмъ симъ отношеніямъ; какимъ образомъ утвердилось оно въ настоящемъ устройствѣ и видѣ своемъ. Намъ надобно точно знать истинное положеніе настоящаго времени во всѣхъ его пунктахъ, надобно

повѣрять наши сужденія съ опытами прошедшихъ вѣковъ, *дабы судить правильно*, какія могутъ быть послѣдствія въ томъ или другомъ случаѣ. Какихъ потребно обширныхъ и при томъ глубокихъ свѣденій, чтобы правильно разсуждать о предметахъ Политики, отъ которыхъ зависитъ щастіе или нещастіе цѣлаго народа! какія условія!

„Трудность предмета не уничтожаетъ хорошей цѣли. Сужденія глупыхъ неуважатъ умные — за то умные будутъ свободно излагать мысли свои для блага общества.“

Всякая идея, льстящая чувствамъ, страстямъ и воображенію гораздо болѣе имѣетъ вліянія на народъ, нежели основательныя, а болѣе глубокомысленныя сужденія, къ которымъ не всякой способенъ. А потому

всякое пустое, даже нелѣпое сочиненіе имѣетъ чрезвычайное на него вліяніе. Даже пустыя, словесныя сужденія всегда приводятъ въ движеніе чернь — етотъ многочисленнѣйшій и менѣе всѣхъ заслуживающій вниманія въ дѣлѣ Политики классъ народа. „Кричите противу властей, противъ налоговъ, писалъ Волтеръ къ друзьямъ своимъ, и безумная чернь всегда будетъ на сторонѣ вашей.“

„Вы страшитесь сихъ движеній въ народѣ? Но, М. г. безъ вѣтровъ и бурь омертвѣла бы природа!“

Вѣтры и бури въ физической природѣ суть явленія необходимыя, но случайныя. Они оживляютъ природу, а вредъ ими причиняемый не значителенъ въ цѣломъ, а въ частяхъ можно вознаградить оный со-

вершенно. Но не таковы вѣтры и бури политическія. Они раздуваютъ тотъ пламень, который угасаетъ только со смертію пожираемаго онымъ. Огонь умственный дѣйствуетъ не такъ, какъ огонь физическій. Онъ однимъ появленіемъ своимъ, подобно електрической искрѣ, мгновенно проникаетъ души и сердца тысячей, скажу даже, цѣлыхъ народовъ и погасить его можно только чрезвычайными средствами; слѣдовательно и вредъ, отъ сего огня произходящій, не есть только временный и какимъ либо пространствомъ ограниченный. Когда во Франціи позволена была совершенная вольность тисненія: тогда Революція гораздо быстрѣе приближилась, нежели того ожидали Преобразователи и она была такова, какой со всѣмъ не воображали и отъ ко-

торой сами они наконецъ содрогнулись (*).

„По крайней мѣрѣ, М. г. надобно дать право умнымъ людямъ говорить свободно.“

И такъ вы увольняете наконецъ ету политическую *гернь* отъ дѣлъ политики, а предоставляете ее только умнымъ людямъ. Мнѣніе самое умѣренное. Но позвольте мнѣузнать, кого вы разумѣете подъ *етими умными людьми?*

„Странный вопросъ!“

Онъ не столько страненъ, какъ вамъ кажется?

„Ежели вы несоглашаетесь въ етомъ: то я васъ не понимаю.“

(*) На пр. Шамфоръ застрѣлился, Леруа тоже, повторяя, что онъ умретъ съ горести и отчаянія. Рейналь проливалъ слезы въ предмѣстіи Парижа.

Чтобы судить правильно о какомъ либо предметѣ, надобно точно опредѣлить оный; иначе сужденіе объ ономъ будетъ только безконечнымъ споромъ, когда одинъ будетъ смотрѣть на сей предметъ съ одной, а другой совсѣмъ съ иной стороны.

„Скажу вамъ, что подъ именемъ умныхъ людей я разумѣю не тѣхъ, которые только сами себя таковыми почитаютъ, но тѣхъ, которыхъ признаетъ таковыми просвѣщенная публика.“

И такъ вы не признаете умными людьми тѣхъ, которые только сами себя таковыми почитаютъ. Но кто увѣритъ ихъ въ истинѣ вашего мнѣнія? Да и какимъ бы постановленіемъ вы отдѣлили етихъ умниковъ самозванцевъ отъ дѣйствительно достойныхъ, умныхъ людей? Какъ назначите вы предѣли таковаго раздѣла между умами?

Вы принимаете въ семъ случаѣ Судьею просвѣщенную Публику. Боюсь вамъ здѣлать вопросъ объ етой просвѣщенной Публикѣ, хотя сей вопросъ весьма важенъ въ дѣлѣ политики; потому что вопросъ мой объ умныхъ людяхъ причинилъ уже вамъ неудовольствіе. Будемъ говорить о сихъ послѣднихъ, а вопросъ о первой самъ собою разрѣшится.

Въ сужденіяхъ политическихъ болѣе всего участвуетъ чувство сердца. Причина, заставляющая людей говорить о предметахъ политическихъ есть всегда почти неудовольствіе противъ Правительства, а особливо въ нынѣшнія времена она составляетъ почти единственную причину. Стремленіе къ совершенству, сколь глубоко врожденное въ душѣ человѣческой, дѣлаетъ человѣка ни чѣмъ

не довольнымъ. И такъ раздраженное чувство служитъ всегда основаніемъ политическихъ сужденій.

Политическое устройство Государства, приносящее столько чести уму человѣческому, за всѣмъ тѣмъ есть произведеніе слабаго, ограниченнаго ума человѣческаго; а потому всегда въ ономъ находятся и будутъ неизбѣжно находиться и вновь открываться недостатки и произтекающіе изъ оныхъ злоупотребленія. И такъ всякой политикъ, раздраженный не избѣжными въ кругѣ дѣлъ человѣческихъ недостатками невольно слѣдуетъ своему чувству, которое въ семъ случаѣ одерживаетъ верхъ и надъ самымъ основательнымъ умомъ. Публика натурально принимающая участіе въ неудовольствіи противъ недостатковъ или зло-

употребленій предается на сторону сихъ Политиковъ и степень довѣренности ея къ онымъ возрастаетъ по мѣрѣ сильнѣйшаго чувства сихъ Политиковъ. Вопъ такого вы назначаете Судьею, который прежде самъ повинуется тѣмъ, кого вы ему судить назначаете. Кромѣ того кто изъ людей самыхъ мудрѣйшихъ не подверженъ ошибкамъ и заблужденіямъ? И объ нихъ тоже должно сказать, что у всякаго свой умъ и у всякаго свое желаніе.

„И такъ вы хотите, чтобы недостатки были священны въ политикѣ?“

Надобно совершенно не имѣть ума, чтобы почитать священными недостатки: но надобно вмѣстѣ, къ сожалѣнію, признаться, что недостатки въ дѣлахъ человѣческихъ совершенно неизбѣжны и что они про-

должатся и къ сожалѣнію надобно сказать, должны непремѣнно продолжаться въ самую вѣчность; ибо когда, исправляются одни недостатки; то въ тоже самое время открываются новые: поелику, какъ физическая, такъ равно умственная и нравственная природа человѣка безпредѣльно разнообразна и безконечна. Слабому, ограниченному уму человѣческому невозможно никогда достигнуть совершенства. Таковъ удѣлъ его въ мірѣ семъ!

Конецъ.

ОШИБКИ:

напечатано:		должно читать:
стран.	*строк.*	
59. Директорію	2.	Директоріею
44. цричину	4.	причину
62. *бѣшущимся*	15.	*бѣснующимся*
— Ваппингтонъ,	22.	Вашингтонъ,
66. внѣшнее	12.	внѣшнее
69. окружающіеея	1.	окружающія ее
75. развившейся	13.	развивавшейся
89. всѣ бѣдствія и спраданія пре-терпѣнныя	25.	о всѣхъ бѣдствіяхъ и спраданіяхъ, препер-пѣнныхъ
91. Исторія Рима	24.	Исторія Рима,
93. преслѣдовате-лей	4.	послѣдователей.
163. и тогда летѣ-ли	9.	и тогда, когда летѣ-ли
169. Приближился	21.	Приближимся